ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ ТОМЪ

СОРОКОВОЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

#3-4

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1905

ИЗЪ
МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

1843—1860 гг.

V *).

Des grands artistes, les plus grands, ne sont pas ceux qui troublent, mais ceux qui apaisent et répandent autour le calme bienfait des beautés sereines.

Говоря объ отцѣ, у меня является ѣдкое сожалѣніе, что я была такъ легкомысленна въ молодости и не записывала разсказовъ и разговоровъ его; тогда мнѣ не приходили въ голову мысли объ утратѣ близкихъ мнѣ людей, о собственной старости, которая помѣшаетъ мнѣ помнить многое, вообще о будущемъ. Когда я была уже замужемъ, мужъ совѣтовалъ мнѣ разспрашивать отца объ его жизни и составлять, такимъ образомъ, матеріалъ для его біографіи; но я не послушалась, оправдывая свою лѣнь и безпечность тѣмъ, что у отца есть подробныя записки и цѣлые ящики писемъ; горько раскаялась я потомъ, такъ какъ весь этотъ богатый матеріалъ былъ уничтоженъ моей матерью. Что̀ всего обиднѣе—это то, что я имѣла одинъ разъ у себя бо̀льшую часть собственноручныхъ записокъ отца и имѣла глупость отдать ихъ, не успѣвъ даже прочесть. Вотъ какъ это случилось. Въ послѣдніе годы жизни отецъ занимался приведеніемъ

*) См. выше: февр., стр. 767.

въ порядокъ своихъ записокъ, но онъ былъ почти слѣпъ, самъ писать не могъ, переписывали ему частями разныя барышни,— выходило не приведеніе въ порядокъ, а полная путаница. Разъ какъ-то я застала отца одного и попросила у него всѣ его черновыя; онъ добродушно согласился, и я, въ восторгѣ, забрала все это съ собой. Не успѣла я дома приняться за чтеніе моихъ драгоцѣнностей, какъ раздался звонокъ, и мнѣ подали записку, написанную каракулями моего отца, гдѣ онъ просилъ прислать ему записки для какой-то справки и обѣщался черезъ часъ возвратить мнѣ ихъ. Я самымъ необдуманнымъ образомъ отдала ихъ посланному, потомъ уже сообразивъ, что не слѣдовало этого дѣлать. Я поѣхала къ отцу.

— Я сама пріѣхала за записками!—сказала я.

— За какими записками?—удивленно спросилъ папа̀.

— За тѣми, которыя ты мнѣ далъ и за которыми только-что присылалъ!

— Такъ вѣдь я жъ тебѣ ихъ далъ?

— Но потомъ ты прислалъ за ними записку съ человѣкомъ.

— Какая записка? Ну, если я и присылалъ, такъ вѣдь я же тебѣ ихъ отдалъ!

Видя, что его самого спутали съ толку и что я, ничего отъ него не добившись, только могу огорчить его разъясненіемъ этого дѣла, я отправилась къ матери.

— Отдай мнѣ записки!

Она улыбнулась.

— Хорошо, нечего сказать! — промолвила она: — пришла безъ меня, распорядилась и думала, что я это такъ оставлю. Я не желаю, чтобы знали подробности интимной жизни отца!

— Но вѣдь я же не печатать собираюсь!

— Можетъ быть, но я не желаю, чтобы и ты знала!—отвѣчала она и прибавила:

— Впрочемъ, теперь всѣ слова безполезны,—я уже сожгла ихъ всѣ!

Я тогда не повѣрила ея словамъ, но записокъ отца я никогда больше не видѣла и не нашла ихъ послѣ смерти матери. Вмѣстѣ съ разсказами объ интимной жизни, погибло и все то, что̀ онъ писалъ объ окружающей его жизни общественной и объ его личной жизни, какъ художника. Изъ этого крушенія спаслась одна тетрадь дѣтскихъ и юношескихъ воспоминаній, которую я еще раньше, не помню, при какомъ случаѣ, присвоила себѣ. Въ статьѣ моей, напечатанной въ „Русскомъ Художественномъ Архивѣ", я извлекла, что̀ могла, изъ названной тетради; но такъ

какъ „Архивъ“, по своему специальному характеру, не былъ широко распространенъ, я считаю небезполезнымъ привести здѣсь выдержки изъ этой статьи, кое-что прибавляя къ нимъ.

Графъ Ѳедоръ Петровичъ Толстой родился въ С.-Петербургѣ въ домѣ кригскоммиссаріата у Поцѣлуева моста, 10 февраля 1783 года. При крещеніи 17-го февраля пожалованъ сержантомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и тутъ же получилъ отъ полка отпускъ на одинъ годъ [1]).

Отецъ Ѳедора Петровича, бригадиръ Петръ Андреевичъ Толстой, управлялъ въ то время кригскоммиссаріатомъ; въ вѣдѣніе его входило: снабженіе арміи обмундировкой, провіантомъ; отпускъ жалованья офицерамъ и солдатамъ, выдача суммъ на содержаніе крѣпостей и военныхъ госпиталей.

Петръ Андреевичъ былъ человѣкъ добрый, простой въ обращеніи съ людьми и въ своихъ привычкахъ; чтеніемъ дошедшій до хорошаго для того времени образованія, разсудительный и гуманный, онъ отличался высокой нравственностью и непоколебимой честностью, казавшейся современникамъ утрированною. Въ началѣ шведской кампаніи, въ 1787 г., когда Петръ Андреевичъ былъ переведенъ въ Выборгъ и, кромѣ своей должности, получилъ еще начальство надъ всѣми военными госпиталями и надзоръ надъ постройками крѣпостей, произошелъ случай, какъ нельзя лучше характеризующій, шедшій въ разрѣзъ со временемъ, взглядъ графа на долгъ и честность. Загорѣлся выборгскій зàмокъ, гдѣ помѣщалась казначейская часть коммиссаріата. Узнавъ объ этомъ, Петръ Андреевичъ прискакалъ къ мѣсту пожара, не задумываясь бросился въ объятую пламенемъ казначейскую и, съ опасностью жизни, спасъ всѣ хранившіеся тамъ документы и громадныя суммы денегъ. На другой день онъ все сполна представилъ главнокомандующему, бывшему съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Главнокомандующій съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Толстого и сказалъ съ досадой: — „Ну, чтò бы тебѣ стоило отложить себѣ милліончикъ! Сошелъ бы за сгорѣвшій, а награду получилъ бы все ту же!“ [2]) Часто приходилось Петру Андреевичу слышать отъ друзей и родныхъ упреки въ томъ, что, служа на крайне доходномъ мѣстѣ, онъ не съумѣлъ составить себѣ состояніе, какъ дѣлали его предше-

---

[1]) Такіе отпуски получались родителями ежегодно, пока ребенокъ числился въ полку, но не поступалъ на дѣйствительную службу.

[2]) Награда, полученная П. А. за его подвигъ, была крестъ св. Владиміра на шею.

ственники; но онъ продолжалъ жить почти бѣдно, довольствуясь своимъ жалованьемъ, и умеръ, не оставивъ послѣ себя ни гроша.

Петръ Андреевичъ женился очень рано, во время службы въ Казани, на четырнадцатилѣтней Елизаветѣ Егоровнѣ Барботъ-де-Марни-де-Женевьевъ, племянницѣ извѣстнаго адмирала Крузе.

Елизавета Егоровна была во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательная женщина: свѣтлый умъ, отзывчивость, впечатлительность, безконечная доброта, нѣжная преданность семьѣ соединялись въ ней съ серьезнымъ образованіемъ и талантливостью. Она была вѣчно занята, и все спорилось въ ея волшебныхъ рукахъ: она плела шляпы, составляла картины изъ раскрашенныхъ ею соломинокъ, вышивала шелками на тонкомъ батистѣ прелестные пейзажи, какъ бы рисованные тушью или акварелью, клеила портфели и игрушки. Она сама учила дѣтей русской и французской грамотѣ, рисованію, слѣдила за ихъ прочими уроками. Мать имѣла большое вліяніе на развитіе Ѳедора Петровича и была имъ страстно любима. Вспоминая о ней, онъ иначе не называлъ ее, какъ умнѣйшей женщиной и чудной матерью. Ѳ. П. видѣлъ еще родителей матери, о домѣ которыхъ въ его дѣтскихъ воспоминаніяхъ смутно сохранилось впечатлѣніе ласки и всякаго баловства.

У Толстыхъ было тринадцать человѣкъ дѣтей. При рожденіи Ѳедора были въ живыхъ: Вѣра, Александръ, Владиміръ, Константинъ; послѣ родились: Надежда, Петръ и Елизавета. Петръ, молодымъ человѣкомъ, утонулъ, а Елизавета умерла ребенкомъ. По поводу этой смерти графъ Ѳеодоръ Петровичъ разсказываетъ слѣдующее: „Не помню, сколько мнѣ было лѣтъ, когда умерла моя младшая сестра Лиза, но помню, что я довольно долго объ ней сожалѣлъ, и разъ, проснувшись по обыкновенію рано, когда кучеръ приходилъ топить въ дѣтской печь, я увидѣлъ совершенно ясно сестру, сидящую на стулѣ возлѣ моего изголовья въ томъ же платьицѣ и въ той же гладкой черной шолковой шапочкѣ, въ которыхъ видѣлъ ее больную. Я смотрѣлъ на нее и въ то же время на кучера, какъ онъ клалъ дрова въ печь, смотрѣлъ съ большимъ удивленіемъ, но безъ всякаго страха, хотя вообще боялся привидѣній, объ которыхъ наслышался отъ горничныхъ дѣвушекъ“.

Старшая дочь Толстыхъ, Вѣра Петровна, вышедшая впослѣдствіи замужъ за Дмитрія Семеновича Шишкова и уѣхавшая съ мужемъ въ Сибирь, была красавица; она унаслѣдовала способности матери, прелестно рисовала, а переписка ея показываетъ недюжинный литературный талантъ. Вѣра относилась съ

большой любовью къ первымъ опытамъ своего маленькаго брата на пути къ искусству и давала матери совѣты относительно преподаванія ему рисованія.

Дѣти Толстыхъ жили одной жизнью съ родителями; они не были удалены въ дѣтскую, не разлучались съ матерью, катались, гуляли, ѣздили въ театръ съ родителями. Ѳедюша видѣлъ Сандунову въ оперѣ „Деревенская пѣвица" (Cantatrice di vilano); сильное впечатлѣніе произвелъ на него Дмитревскій, когда въ роли вѣщаго Олега быстро входилъ на сцену, весь сіяющій въ „рыцарскомъ одѣяніи", какъ говорили тогда, т.-е. въ полуфантастическомъ костюмѣ римскаго воина, съ серебряной кольчугой, голыми руками, сандаліями на ногахъ и щитомъ съ рельефнымъ изображеніемъ золотого коня. А „Дезертиръ" въ балетѣ Лепика приводилъ даже маленькаго Ѳедю въ недоумѣніе, проходя по сценѣ употреблявшимся даже въ балетѣ „трагическимъ шагомъ".

Два раза видѣлъ Ѳедюша Екатерину: на большомъ праздникѣ, который она давала народу въ Петербургѣ, и въ Царскомъ-Селѣ. „Насъ иногда возили въ Царское-Село,—разсказываетъ графъ,—гдѣ мы одинъ разъ встрѣтили идущую рядомъ съ другой дамой императрицу, въ простомъ зеленомъ капотѣ и шляпѣ бурачкомъ такого же цвѣта. Около нея бѣгала маленькая, англійской породы, собачка".

Дѣти Толстыхъ никогда не подвергались тѣлесному наказанію. Учитель, поступившій къ нимъ, когда Ѳедѣ было шесть лѣтъ, дворянинъ Ѳедоровъ, былъ прекраснымъ воспитателемъ и сдѣлался настоящимъ членомъ семьи. На нравственное развитіе Ѳедора Петровича имѣлъ также вліяніе, хотя и не личное, братъ его матери, Егоръ Егоровичъ. Онъ служилъ въ Нерчинскѣ, былъ превосходный горный инженеръ, любимъ подчиненными и каторжниками, не боялся одинъ спускаться къ послѣднимъ въ шахты, чего до него никто не осмѣливался дѣлать. Въ семьѣ у Толстыхъ постоянно говорили о его высокой человѣчности и благородномъ характерѣ. Чтобы пополнить картину этой семьи, надо упомянуть о нянѣ Ефремовнѣ, горячо любимой Ѳедюшей. Это была одна изъ тѣхъ чудныхъ нянюшекъ добраго стараго времени, которыхъ не разъ описывали наши лучшіе поэты и беллетристы, изъ тѣхъ любящихъ, умныхъ, преданныхъ русскихъ женщинъ, въ трудныя минуты совершавшихъ молчаливые и великіе подвиги.

Вотъ въ какой здоровой семейной атмосферѣ возрасталъ добрый, живой, всѣми любимый ребенокъ. Рано, шутя, выучился онъ

грамотѣ; пріютившись у ногъ матери, онъ вышивалъ съ нею шелками, а вечеромъ около нея же рисовалъ карандашомъ и красками не каракули, обыкновенно производимыя трехъ-четырехъ-лѣтними дѣтьми, а вещи, въ которыхъ сквозятъ понятія о перспективѣ и ракурсахъ. Рано умъ его началъ обнаруживать складъ, присущій его художественной натурѣ: мысли слагались въ живые образы въ его головѣ; все, что̀ было въ видѣнной природѣ или обстановкѣ картиннаго, красиваго, производило на ребенка неизгладимое впечатлѣніе, и вниманіе его обращалось на самое характерное въ окружающемъ его мірѣ. Неоцѣненное для художника и такъ трудно пріобрѣтаемое преимущество — память глаза — было у него врожденнымъ. Картины природы, сочетаніе красокъ, красивыя или смѣшныя черты лицъ—вотъ что̀, еще совсѣмъ маленькимъ, замѣчалъ и запоминалъ онъ при всякомъ случаѣ. Его дѣтскія воспоминанія открываютъ передъ нами цѣлый міръ, давно минувшій; пестрымъ калейдоскопомъ проходятъ передъ нами оригинальные типы времени, отдаленнаго отъ насъ не столько годами, сколько разницею взглядовъ и понятій.

Вотъ самъ Ѳедюша, немало гордящійся своими длинными, распущенными по плечамъ, бѣлокурыми локонами, курточкой съ отложными воротничками и тросточкой съ набалдашникомъ въ видѣ бильбокѐ, гуляющій съ гувернеромъ, посреди разряженной толпы, въ Лѣтнемъ саду или на набережной, гдѣ франтики и петиметры занимались, даже гуляя, модной игрой въ бильбокѐ.

Вотъ, въ своей дворцовой квартирѣ, сидитъ въ большихъ креслахъ, одѣтая „по послѣднему дворцовому этикету“, почтенная и важная старушка, статсъ-дама графиня Румянцова. По старости лѣтъ, она не сопровождала дворъ въ Царское-Село и проводила лѣто, окруженная дурами, карлицами, болонками, моськой и попугаемъ, во дворцѣ Петра Великаго въ Лѣтнемъ саду. Почтенная старушка любила Е. Е. Толстую; послѣдняя часто читала ей или играла съ ней въ карты; нерѣдко брала съ собой и своего сыночка. Разъ попугай обозвалъ Ѳедюшу дуракомъ, и вотъ ребенокъ плачетъ отъ обиды, уткнувшись въ платье матери, но скоро утѣшается, заигрывая съ карлицей, которую по росту считаетъ своей однолѣткой.

Вотъ дѣдушка, почти слѣпой, сидитъ за маленькими ящичками письменнаго стола, наполненными монетами и драгоцѣнными камнями, и бабушка, отрѣзывающая аршинами воланы изъ point d'Alençon на платья кукламъ внучекъ.

Вотъ цѣлый рядъ извѣстныхъ въ городѣ дураковъ и шутовъ,

бо̀льшею частью очень умныхъ и острыхъ людей. Изъ ихъ толпы выдѣляется умомъ и даромъ слова шутъ графа Левашова. По праву своего дурацкаго колпака, онъ громилъ всякую неправду и способствовалъ проводить честныя и добрыя намѣренія своего патрона. Кромѣ служившихъ въ частныхъ домахъ шутовъ, были, такъ сказать, вольно практикующіе. Изъ послѣднихъ—извѣстный всему Петербургу Тимоѳей Патрикѣевичъ Ямщиковъ, про котораго Державинъ сказалъ:

Натуры пасынокъ,
Чудесъ ея примѣръ:
Піита, философъ
И унтеръ-офицеръ.

Ямщиковъ подносилъ свои стихи юмористическаго содержанія разнымъ лицамъ, причемъ была приписка въ концѣ: „а мнѣ за труды слѣдуетъ“—„синяшка“, или „краснушка“, или „бѣлянка“, смотря по состоянію того, кому подносились вирши. Онъ подносилъ свои оды и посланія митрополиту Платону, Потемкину, Безбородкѣ. Въ стихотвореніи, поднесенномъ маленькой Надѣ Толстой, были слѣдующія строки:

Двѣ ручки, какъ тучки,
Сходятся и расходятся
И при своемъ лучезарномъ корпусѣ
Находятся.

Вотъ праздничный день у Толстыхъ: четырнадцатилѣтній сынъ Александръ получилъ чинъ офицера и ѣдетъ представляться императрицѣ. Новый гвардейскій офицеръ, трепещущій и сіяющій, переходитъ отъ зеркала къ зеркалу въ своемъ новомъ элегантномъ мундирѣ, сопровождаемый восторженной толпой братьевъ и сестеръ. Вечеромъ онъ отказывается разстаться со своимъ костюмомъ, хочетъ лечь спать въ мундирѣ, и только послѣ строжайшихъ доводовъ родителей рѣшается разложить свою амуницію на стулѣ около кровати.

Вотъ картины дачной жизни на Островахъ, съ ея катаньями, прогулками и шалостями, гдѣ кавалергарды блещутъ своими мундирами и красотой, избранники, которыхъ капитаномъ — сама Екатерина. Ихъ была только одна рота, гдѣ каждый рядовой былъ офицерскимъ сыномъ; обязанность ихъ состояла въ почетномъ караулѣ во дворцѣ.

Вотъ красивый іеромонахъ изъ Невскаго монастыря, вскружившій голову не одной свѣтской барынѣ... Вотъ въ оградѣ Никольской церкви модное гулянье, вскорѣ запрещенное митрополитомъ...

И вдругъ надъ этимъ безпечнымъ, занятымъ забавами обществомъ проносится, какъ отдаленный раскатъ грома, вѣсть о французской революціи и поражаетъ всѣхъ невообразимой тревогой.

Для счастливаго Ѳедюши также неожиданно наступилъ тяжелый переворотъ въ жизни. Во время военныхъ дѣйствій противъ послѣдней польской конфедераціи, изъ дѣйствующей арміи былъ присланъ съ донесеніемъ къ императрицѣ внучатный дядя Ѳедора Петровича, графъ Петръ Александровичъ Толстой. Въ награду за добрую вѣсть, послѣдній получилъ Георгія и чинъ полковника; вскорѣ послѣ того онъ женился на очень богатой и воспитанной подъ особымъ покровительствомъ государыни дѣвушкѣ, красавицѣ княжнѣ Марьѣ Алексѣевнѣ Голицыной.

Назначенный полковымъ командиромъ одного изъ двухъ четырехтысячныхъ полковъ имперіи, Псковскаго драгунскаго полка, и отправляясь съ молодой женой къ мѣсту своего назначенія, Петръ Александровичъ предложилъ взять съ собой Ѳедю, позаботиться объ его воспитаніи и будущей карьерѣ, на что родители, въ виду пользы сына, должны были съ благодарностью согласиться.

Горько было ребенку покидать свое теплое гнѣздышко! Дорога была утомительная и долгая: цѣлыми днями приходилось ѣхать по мостовой, состоящей изъ бревенъ, избитыхъ и неровныхъ. Обозъ, состоявшій изъ двухъ каретъ, коляски и нѣсколькихъ кибитокъ и телѣгъ, часто вязъ въ грязи, между поломанныхъ бревенъ; часто приходилось сзывать толпы мужиковъ, чтобы вытаскивать экипажи. Ночью поѣздъ сопровождали люди съ факелами. Наконецъ, наши путешественники добрались до жидовскаго мѣстечка Ошмяны, въ семи верстахъ отъ Вильны, гдѣ было мѣсто стоянки штаба полка.

Дядя съ женою были ласковы съ Ѳедюшей, и онъ постепенно пересталъ скучать и сталъ привыкать къ новой обстановкѣ. Занимали его военная жизнь, роскошь польскихъ магнатовъ, пріѣзжавшихъ съ большими свитами и цѣлыми взводами гусаръ въ гости къ Петру Александровичу, но больше всего верховая ѣзда, которая сдѣлалась его страстью. Въ этомъ отношеніи онъ удивлялъ всѣхъ своею смѣлостью и ловкостью.

Своего дядюшку графъ Ѳедоръ Петровичъ характеризуетъ слѣдующими словами: „Петръ Александровичъ былъ не глупый человѣкъ, но и не отличался своимъ умомъ. Образованіе получилъ также совсѣмъ не отличное; онъ и по-французски говорилъ плохо. Онъ, кажется, полагалъ, что болѣе того, что онъ зналъ, и знать не нужно; я никогда не видалъ, чтобы онъ занимался

чтеніемъ. Не знаю, учился ли онъ топографіи, но впослѣдствіи, когда онъ былъ уже петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, онъ иногда разсматривалъ топографическіе атласы со своими пріятелями: генераломъ Вердеревскимъ и другими, при чемъ мнѣ не одинъ разъ былъ случай убѣдиться, что ни онъ, ни его пріятели совсѣмъ не знаютъ математики. За то онъ былъ очень добръ, щедръ, правдивъ, честенъ въ высшей степени и за правду готовъ былъ стоять, передъ кѣмъ бы то ни было, непоколебимо".

Несмотря на то, что Петръ Александровичъ готовилъ своего племянника въ кавалерію и обращалъ много вниманія на физическое воспитаніе, онъ рѣшилъ дать взятому на свое попеченіе ребенку и возможно лучшее общее образованіе: онъ помѣстилъ его въ славившуюся въ то время іезуитскую школу въ Полоцкѣ, начальникомъ которой былъ извѣстный патеръ Груберъ. Въ школѣ было болѣе семисотъ воспитанниковъ, но Ѳедя былъ принятъ, въ видѣ исключенія, приходящимъ. Онъ жилъ у полоцкаго коменданта, полковника Дуве, посѣщая школу только во время тѣхъ уроковъ, которые находилъ для него нужнымъ патеръ Груберъ, принявшій мальчика подъ свое покровительство. Найдя въ ребенкѣ добрый, мягкій характеръ и большое прилежаніе, Груберъ полюбилъ его, а замѣтя его способность къ рисованію, обратилъ на этотъ предметъ особенное вниманіе. Ѳедору Петровичу, однако, не пришлось кончить курсъ въ полоцкомъ училищѣ. Послѣ смерти императрицы, дядя былъ переведенъ въ Петербургъ; съ нимъ вернулся туда и его племянникъ.

Возвратившись домой, Ѳедя не всю семью засталъ въ сборѣ. Во время шведской кампаніи, Петръ Андреевичъ отказалъ имп. Павлу, бывшему тогда наслѣдникомъ, въ суммѣ денегъ, которую послѣдній желалъ, чтобы ему выдали изъ казначейства, и отказалъ не по своей инидіативѣ, а по личному запрещенію императрицы; тѣмъ не менѣе, Павелъ Петровичъ этого не забылъ и, тотчасъ по восшествіи на престолъ, посадилъ Петра Андреевича на гауптвахту. Съ нимъ вмѣстѣ были арестованы князья Горчаковы и атаманъ войска донского Платовъ. Перемѣны въ Петербургѣ поразили Ѳедю. Въ первый же день своего пріѣзда онъ увидѣлъ своего брата въ новомъ мундирѣ, показавшемся нашему мальчику крайне уродливымъ; онъ думалъ, что братъ для смѣха такъ нарядился, но скоро на самомъ себѣ замѣтилъ, что прошло время такъ нравившихся ему, элегантныхъ и удобныхъ костюмовъ: на улицѣ Ѳедюшу остановилъ полицейскій приказаніемъ немедленно возвратиться домой. Ѳедя, несмотря на сердечную доброту, былъ очень вспыльчивъ, разсердился и сопротивлялся.

Полицейскій тогда объяснилъ дядькѣ мальчика, что императоръ запретилъ даже дѣтямъ ходить по улицамъ иначе, какъ въ опредѣленномъ костюмѣ, и старый Осипъ насильно увелъ разгорячившагося ребенка домой. Тамъ смастерили Ѳедѣ неуклюжій нарядъ, съ длинными, тяжелыми сапогами, высокимъ воротникомъ, закутали шею широкимъ галстухомъ, мѣшавшимъ свободѣ движеній, прикололи поля круглой шляпы, чтобы она была похожа на треуголку; глядя на брата, Ѳедюша смѣялся, а тутъ расплакался. Все, что̀ происходило на улицахъ, казалось Ѳедѣ очень страннымъ: проходившіе мимо дворца снимали шляпы; встрѣчавшіе государя должны были выходить изъ экипажей и, сбросивъ на землю шинели или шубы, низко кланяться; дамы не составляли исключенія, хотя, при открытыхъ шеяхъ и атласныхъ туфелькахъ, какъ тогда ходили, соблюденіе этикета могло имѣть печальныя послѣдствія для здоровья. Немудрено, что всѣ старались ѣздить закоулками, и главныя улицы Петербурга, недавно такія шумныя и веселыя, совершенно опустѣли. Дворъ и общество были хмуры и недовольны; большинство гвардейцевъ вышли въ отставку; Павелъ выдвигалъ офицеровъ гатчинскаго батальона, большею частью людей невоспитанныхъ, выслужившихся изъ солдатъ. Названіе „гатчинскій офицеръ“ сдѣлалось въ обществѣ презрительнымъ выраженіемъ. Ходили анекдоты вродѣ того, что государь велѣлъ выкрасить Михайловскій за̀мокъ въ цвѣтъ перчатокъ Лопухиной, или цѣлому полку скомандовалъ: „маршъ въ Сибирь“! Эти анекдоты, впрочемъ, явились нѣсколько позднѣе, но вотъ что̀ видѣлъ Ѳедюша и разскажетъ самъ: „Разъ, бывши у батюшки (во время его заключенія), услышали мы, что пришелъ къ гауптвахтѣ Аракчеевъ, игравшій важную роль при Павлѣ I и извѣстный по своей жестокости. Я подошелъ къ окну, чтобы увидѣть этого человѣка. Онъ привелъ съ собой преображенскаго унтеръ-офицера, по оплошности не успѣвшаго во̀-время отдать ему должной по формѣ чести. Онъ поставилъ его передъ фронтомъ и приказалъ бить его палками. Увидавъ это, я со слезами бросился отъ окна и убѣжалъ на набережную, чтобъ не слыхать стоновъ несчастнаго“.

При всеобщемъ трепетѣ передъ личностью государя, одинъ только старшій братъ Ѳеди, Александръ Петровичъ, не унывалъ. Это былъ смѣльчакъ, остроумный забавникъ, любимый императоромъ. Онъ позволялъ себѣ разныя шутки: однажды съѣлъ приготовленный для государя завтракъ, въ другой разъ держалъ парѝ съ офицерами, что заставитъ государя быть своимъ камердинеромъ. На вахтъ-парадѣ Александръ Толстой, отдавая императору

честь эспантономъ, нарочно поворотилъ его не въ ту сторону, куда слѣдовало. Разгнѣванный Павелъ закричалъ: „Какъ такой отличный офицеръ могъ сдѣлать такую ужасную ошибку!“—и велѣлъ арестовать его. Александръ Петровичъ, вмѣсто того, чтобы отдать свою шпагу флигель-адъютанту, тихимъ, строевымъ шагомъ подошелъ къ самому императору и вручилъ ему шпагу, потомъ эспантонъ, за симъ отстегнулъ орденъ, развязалъ шарфъ и все это подавалъ одно за другимъ государю, который, озадаченный серьезнымъ видомъ провинившагося, принималъ всѣ эти вещи и самъ передавалъ адъютанту,—графъ Александръ Петровичъ выигралъ пари́. Когда Павелъ I узналъ объ этой продѣлкѣ, онъ не только не разсердился, но сказалъ съ удовольствіемъ: „Я зналъ, что такой хорошій офицеръ не могъ сдѣлать такую грубую ошибку“.

Черезъ нѣсколько времени послѣ пріѣзда сына, Петръ Андреевичъ былъ выпущенъ изъ-подъ караула и отставленъ отъ должности съ половиннымъ жалованьемъ. Жизнь Толстыхъ, хотя стала еще скромнѣе,—потекла попрежнему мирно и любовно. По примѣру матери, всегда чѣмъ-нибудь занятыя дѣти по вечерамъ усаживались со своими родителями къ большому круглому столу, каждый принимался за какое-нибудь любимое дѣло, а отецъ или мать читали вслухъ историческіе разсказы, путешествія или популярныя научныя сочиненія; это были любимые, съ нетерпѣніемъ ожидаемые дѣтьми, часы. Ѳедя чаще всего рисовалъ, но онъ любилъ токарное, слесарное мастерства, а главное, любилъ узнавать, что̀ какъ дѣлается. Разбирая и складывая опять карманные часы, онъ хорошо понялъ ихъ механизмъ и началъ самъ дѣлать мелкія вещицы и игрушки, приводимыя въ движеніе часовымъ механизмомъ. „У меня было такъ много занятій,—говоритъ графъ въ своихъ запискахъ,—что недоставало времени на исполненіе того, что̀ я затѣвалъ. Мы всегда были заняты полезнымъ, любимымъ нами дѣломъ и были совершенно счастливы“. Но родители думали о дальнѣйшемъ образованіи сына и, послѣ совѣтовъ съ родными, отдали его въ морской корпусъ, считавшійся тогда лучшимъ учебнымъ заведеніемъ.

Директоромъ морского корпуса числился адмиралъ Иванъ Логгиновичъ Голенищевъ-Кутузовъ, но, въ виду его преклонныхъ лѣтъ, управлялъ заведеніемъ сынъ его, контръ-адмиралъ Логгинъ Ивановичъ. Жена послѣдняго считалась одною изъ самыхъ образованныхъ женщинъ аристократическаго круга. Логгинъ Ивановичъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы поставить корпусъ на высоту примѣрнаго заведенія; онъ не только привлекъ преподава-

телями такихъ извѣстныхъ ученыхъ, какъ проф. Фуссъ, Германъ, Гамалей, но постоянно заботился о хорошемъ нравственномъ и матеріальномъ состояніи воспитанниковъ.

Вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Петровичемъ находились въ корпусѣ его старшій братъ Константинъ и пять ихъ двоюродныхъ братьевъ; всѣ они помѣщались въ одномъ дортуарѣ, носившемъ названіе „комнаты графовъ Толстыхъ". Между ними находился Ѳедоръ Ивановичъ, прозванный впослѣдствіи „американцемъ",—человѣкъ, своимъ умомъ, красотой, бреттерствомъ, страстнымъ и дикимъ нравомъ давшій поводъ распространенію цѣлыхъ легендъ о немъ. Въ корпусѣ онъ уже слылъ „отчаяннымъ",—напримѣръ, устроилъ между кадетами тайное общество, чтобы сдѣлаться членомъ котораго, надо было, разорвавъ живого крысенка пополамъ, съѣсть тутъ же одну половину, въ то время какъ онъ самъ съѣдалъ другую.

Во все время пребыванія въ корпусѣ, Ѳедя былъ первымъ ученикомъ, семнадцати лѣтъ выдержалъ экзаменъ на гардемарина и два года подъ-рядъ ходилъ въ плаваніе по Балтійскому морю и въ Данію и Норвегію. Во время путешествій онъ велъ дневникъ, изобилующій техническими подробностями, интересными описаніями и наблюденіями.

12-го марта 1801 года весь корпусъ былъ собранъ въ большой залѣ. Почтенный директоръ, давно не вставаешій съ креселъ, вошелъ, поддерживаемый своими сыновьями, и, со слезами на глазахъ, объявилъ о кончинѣ императора Павла. Послѣ присяги Александру I-му, кадеты были распущены по домамъ. На улицахъ царило давно небывалое движеніе: по нимъ сновали толпы народа; люди останавливались, разговаривали безъ всякаго страха; простолюдины, сходясь между собой, крестились, обнимались и цѣловались,—все, казалось, дышало радостью.

Въ 1802-мъ году Ѳ. П. Толстой кончилъ курсъ, былъ произведенъ мичманомъ въ гребной флотъ и могъ остаться жить въ Петербургѣ, что дало ему возможность продолжать и серьезныя занятія, и физическія упражненія, — фехтованіе, танцы, вольтижированіе на лошади, — которыхъ требовала его молодая, здоровая натура. Проф. Фуссъ предложилъ безвозмездно заниматься съ нимъ математикой; въ кругу профессоровъ юноша усовершенствовался въ владѣніи нѣмецкимъ языкомъ. Въ это время онъ бывалъ у Лабзиныхъ, у Олениныхъ, гдѣ познакомился съ Дмитріевымъ, Карамзинымъ, Крыловымъ, Гнѣдичемъ, Жуковскимъ и съ членами возникавшаго „Вольнаго общества любителей наукъ".

VI.

До сихъ поръ Ѳедоръ Петровичъ работалъ карандашомъ и кистью, но какъ-то разъ отецъ его принесъ поддѣльную камею съ портретомъ Наполеона; вещица понравилась будущему художнику; онъ взялъ лежавшій на рабочемъ столикѣ восковой огарокъ, подкрасилъ его, какъ съумѣлъ, въ тѣлесный цвѣтъ и при помощи перочиннаго ножа и булавки вылѣпилъ вѣрную копію съ камеи. Послѣ второй такой работы Фуссъ посовѣтовалъ ему серьезно заняться искусствомъ, посѣщать классы академіи художествъ или хоть познакомиться съ кѣмъ-нибудь изъ учениковъ. Толстой послѣдовалъ этому совѣту, познакомился съ ученикомъ академіи Шиловымъ, получилъ отъ него нужныя указанія, стеки, голову Каракаллы для копированія; вскорѣ было получено и дозволеніе посѣщать медальерный классъ. Полный энергіи, молодой художникъ скоро узналъ всѣ тонкости лѣпки изъ воска и началъ учиться рѣзать на стали. Спустя мѣсяцъ послѣ того, какъ онъ сталъ посѣщать академію, въ классъ вошелъ профессоръ скульптуры Прокофьевъ, съ удивленіемъ взглянулъ на работавшаго съ учениками флотскаго офицера и, осмотрѣвъ его работу, спросилъ:—„Вы какъ хотите учиться художеству: основательно, какъ художникъ,—или, какъ вся ваша братья дворянчики, для забавы?"—„Тутъ,—говоритъ графъ въ своихъ запискахъ,—я почувствовалъ свое настоящее призваніе, и что въ немъ я могу, по моему всегдашнему желанью, быть обязанному самому себѣ и отвергнуть всякое покровительство и протекцію; съ этой минуты я рѣшилъ посвятить себя въ художники и отвѣтилъ: „Хочу знать и научиться художеству основательно и сдѣлаться, если буду въ силахъ, настоящимъ художникомъ".—„Когда такъ,—сказалъ Прокофьевъ,—то оставьте всѣ прочія занятія, попросите билетъ на право посѣщенія академическихъ классовъ и начинайте учиться съ самаго начала". На другой день Толстой имѣлъ билетъ и въ пять часовъ вечера вошелъ въ рисовальный классъ; съ этой минуты онъ посѣщалъ академію ежедневно, приходя пѣшкомъ изъ Семеновскаго полка, гдѣ жилъ тогда съ родителями.

Поразительно быстро пошло художественное образованіе Ѳедора Петровича: черезъ двѣ недѣли онъ былъ переведенъ въ классъ рисованія фигуръ съ оригиналовъ, за симъ въ гипсовый классъ, а скоро и въ натурный. Здѣсь ему гораздо больше

профессоровъ помогалъ уже оканчивающій ученикъ Кипренскій. Занятія въ академіи казались графу недостаточными: „Я придумалъ,—пишетъ онъ,—заготовить дома папку съ такою же точно бумагою, какая была у меня въ натурномъ классѣ, для того, чтобы, приходя изъ академіи, рисовать на ней на память натуру, поставленную въ классѣ, и такъ продолжалъ рисовать всю недѣлю. Такъ я дѣлалъ при каждой новой позѣ натурщиковъ, а также и по третямъ при постановкѣ группъ. Позже я завелъ у себя большую деревянную доску, выкрашенную черной краской и вылакированную, на которой рисовалъ мѣломъ, тоже наизустъ, въ натуральную величину тѣ модели, которыя ставились въ натурномъ классѣ. Этотъ мною изобрѣтенный способъ учиться принесъ мнѣ много пользы, потому что ускорилъ и много способствовалъ изученію натуры". Про свои дальнѣйшія занятія онъ пишетъ: „Я много рисовалъ съ гипсовыхъ écorchés и, для изученія женскихъ формъ, ходилъ рисовать въ галереи академіи, гдѣ рисовалъ также и съ другихъ античныхъ статуй, при чемъ восхищался изящною красотою формъ и позами этихъ превосходныхъ произведеній древности. Увлекшись красотою статуй Греціи, я полюбилъ ея высокія произведенія въ барельефахъ, саркофагахъ, жертвенникахъ, вазахъ, чашахъ, канделябрахъ, лампахъ, мебели, колесницахъ и пр. Со всѣхъ этихъ произведеній я много рисовалъ, старательно и долго ихъ изучалъ, и вполнѣ полюбилъ древнюю Грецію; сталъ читать и изучать все, что̀ было написано о нравахъ, обычаяхъ, внѣшней и домашней жизни этого знаменитаго, отличавшагося необыкновеннымъ изящнымъ вкусомъ и образованнѣйшаго народа въ древности"... „Любовь къ изящному,—продолжаетъ онъ,—была до того развита, что они украшали малѣйшія бездѣлушки своего быта: вѣсы, безмѣны, молотки; даже ихъ гвозди имѣютъ изящную форму... У себя дома, въ часы свободные отъ научныхъ занятій, я лѣпилъ изъ воска портреты, которые всѣ находили очень похожими, сочинялъ и лѣпилъ цѣлыя группы и барельефы. Я первый сталъ лѣпить изъ воска большіе барельефы изъ исторіи древней русской и всемірной, употребляя самые вѣрные костюмы; это мнѣ было очень удобно дѣлать, такъ какъ я изучалъ археологію и имѣлъ большое собранье костюмовъ, а также описаній жизни народовъ и ихъ утвари въ разные вѣка".

Такъ правильно сложившіяся занятія чуть было не прекратились тѣмъ, что молодой мичманъ былъ переведенъ въ гребной флотъ, стоявшій въ Регенсальмѣ. Помощь оказалъ графъ Петръ Александровичъ, обратившись къ исправлявшему должность мор-

скаго министра адмиралу Чичагову, съ просьбой оставить талантливаго племянника въ Петербургѣ. Послѣ долгаго разговора съ художникомъ, адмиралъ сказалъ: „вы останетесь здѣсь“, и отпустилъ его. Черезъ нѣсколько дней, однако, Толстой получилъ отъ ближайшаго начальства приказъ немедленно отправиться на мѣсто назначенія. Въ отчаяніи полетѣлъ онъ къ Чичагову. Послѣдній утѣшилъ его словами: „Я вамъ сказалъ, что вы никуда не поѣдете. Подите и успокойте вашихъ родителей“. Вскорѣ получился приказъ о назначеніи Ѳедора Петровича адъютантомъ Чичагова, что̀ дало ему возможность остаться въ городѣ и прекрасно окончить курсъ академіи.

Въ медальерномъ классѣ былъ преподавателемъ Леберехтъ; онъ не былъ настоящимъ художникомъ и могъ передать своимъ ученикамъ только технику дѣла, но онъ былъ полезенъ графу тѣмъ, что познакомилъ его съ кружкомъ нумизматиковъ и археологовъ, среди которыхъ были такіе знаменитые ученые, какъ Кругъ, Адлунгъ, Парротъ, Моргенштернъ, Келлеръ. Можетъ быть, въ это же время сблизился Толстой съ таинственнымъ ученымъ и алхимикомъ Алексѣевымъ.

24-го декабря 18— г. [1]) скончалась Елизавета Егоровна. Излишне было бы описывать отчаяніе ея любимаго сына,—потеря матери была для него потерей друга, души, вполнѣ понимавшей его! Исчезло звено, прекрасно скрѣплявшее всю семью въ одно тѣсное цѣлое, и дружная семья распалась! Петръ Андреевичъ уѣхалъ въ Москву; старшіе сыновья разбрелись по квартирамъ или уѣхали на службу; графъ Ѳедоръ съ сестрой Надеждой переѣхали жить къ Петру Александровичу. Здѣсь Ѳедоръ Петровичъ имѣлъ случай ближе познакомиться со всѣмъ придворнымъ и свѣтскимъ міромъ тогдашняго Петербурга. Нравственный и умственный кругозоръ молодого человѣка, твердо сложившійся, позволялъ ему относиться критически къ окружающей средѣ и мѣшалъ увлечься ея блескомъ. Графъ не могъ примириться съ тѣмъ, что, по его словамъ, въ этомъ мірѣ „не достоинство человѣка, а ловкость и интрига выдвигаютъ его впередъ“. Среди роскоши и шума свѣтской жизни, онъ восклицаетъ: „Какъ много, какъ много осталось мнѣ учиться, чтобы быть образованнымъ человѣкомъ“!

Отдавая дань молодости и веселости, Толстой не оставлялъ общества профессоровъ и не переставалъ трудиться. Въ академіи уже на выставкахъ—работы нашего художника; онъ заду-

---

[1]) Годъ смерти Ел. Ег. Толстой мнѣ точно не извѣстенъ.

мывалъ созданіе своихъ барельефовъ изъ Одиссеи, но въ 1805 году патріотическія чувства охватили его, и въ немъ воспылало желаніе участвовать въ войнѣ. Во флотѣ онъ не могъ служить, такъ какъ былъ подверженъ морской болѣзни, а любовь къ лошадямъ заставляла желать поступить въ гвардію. Послѣ ряда препятствій, его желаніе было близко къ удовлетворенію: государь уже объявилъ на это свое согласіе. И вотъ, разъ, когда государь обѣдалъ у Петра Александровича, графиня Марья Алексѣевна заняла его разсматриваніемъ художественныхъ произведеній племянника. Александръ, разсмотрѣвъ ихъ, велѣлъ позвать ихъ автора и сказалъ ему: „Я обѣщалъ назначить васъ въ кавалергардскій полкъ, но такъ какъ у меня много офицеровъ и я могу нажаловать ихъ сколько хочу, а художниковъ такихъ, какъ вы, я не могу создать, то мнѣ бы хотѣлось, чтобъ вы, при вашемъ талантѣ къ художествамъ, пошли по этой дорогѣ“. Такія слова были приказаніемъ. „Мнѣ больше ничего не оставалось,— говоритъ графъ, — какъ исполнить волю государя. Какъ я ни желалъ въ военную службу, но я долженъ былъ сознаться, что это предложеніе болѣе всего согласовалось съ моей привязанностью къ художествамъ и съ моимъ твердымъ правиломъ быть обязанному только самому себѣ, а не протекціи“.

Выходъ своему патріотическому чувству Ѳедоръ Петровичъ скоро нашелъ въ томъ, что въ своихъ классическихъ медальонахъ на отечественную войну увѣковѣчилъ искусствомъ славу родины.

Несмотря на то, что самъ государь поощрилъ призваніе художника, общество и родные иначе взглянули на это дѣло. Пока онъ предавался, по ихъ мнѣнію, искусству, какъ въ видѣ развлеченія дилеттантъ, они находили это похвальнымъ и восхищались его работами; но когда онъ рѣшился сдѣлаться художникомъ pour tout de bon, общество пришло въ негодованіе. Родные начали отговаривать его, соблазнять предложеніемъ средствъ къ жизни, званія камеръ-юнкера. Онъ отвѣчалъ на послѣднее, что „онъ ни по душѣ, ни по разсудку не рожденъ для этой должности, считаетъ, что всякій честный человѣкъ долженъ добиваться чиновъ и наградъ своимъ собственнымъ трудомъ, а не случайной протекціей, что онъ для этого слишкомъ гордъ“. Послѣ такого отвѣта разразилась цѣлая буря. „Аристократъ, имѣющій титулъ, блестящія связи, которому все само въ руки дается, и вдругъ все отвергаетъ и идетъ въ *маляры*!.. Онъ этимъ безчеститъ не только свою фамилію, но все дворянское сословіе“! И они спѣшили закрыть свои двери передъ этимъ

опаснымъ сумасбродомъ. Одинъ родственникъ даже написалъ Петру Андреевичу, что его сынъ сошелъ съ ума, ибо, „будучи взрослымъ, продолжаетъ учиться, какъ маленькій“.

Петръ Александровичъ уѣхалъ за границу посланникомъ при Наполеонѣ, Марья Алексѣевна—въ деревню, гдѣ давала пріютъ Надеждѣ Петровнѣ, — Ѳедоръ Петровичъ остался одинъ безъ мѣста, безъ средствъ, безъ поддержки, но спокойная воля его только крѣпла подъ препятствіями. Онъ бросилъ свѣтъ, родныхъ, даже на время добрыхъ знакомыхъ, заперся въ какой-то лачужкѣ и сталъ еще ревностнѣе учиться. Его, не привыкшаго къ такой жизни, не испугали ни нищета, ни одиночество: онъ сталъ зарабатывать себѣ хлѣбъ, вылѣпливая изъ воску на грифельныхъ дощечкахъ гребни, брошки,—подражаніе камеямъ,—бывшія тогда въ модѣ. Одинъ только человѣкъ понялъ и не покинулъ Ѳедора Петровича въ трудную минуту его жизни,—это была нянька Ефремовна. Она поселилась со своимъ Ѳедюшей, носила продавать его работы, а когда онъ, не думая о пищѣ, тратилъ полученныя деньги на книги и инструменты, она приговаривала, гладя его, какъ маленькаго, по головкѣ: „Ничего, батюшка, работай, не заботься ни объ чемъ: у старой няньки найдется, изъ чего щей и кашки тебѣ сварить, не даромъ въ барскомъ домѣ жила. Работай себѣ съ Богомъ“. И она вытаскивала изъ своихъ сундуковъ всякія сбереженія; а когда ихъ не стало,—вязала чулки и продавала ихъ потихоньку отъ своего воспитанника. Такъ прожилъ графъ два года, пока И. Н. Новосильцевъ не вспомнилъ самъ и не напомнилъ государю о молодомъ труженикѣ; ему было предложено мѣсто при эрмитажѣ съ жалованьемъ 1.500 р. ассигнаціями, которое онъ и принялъ.

Не съ однимъ высшимъ обществомъ приходилось графу выдерживать борьбу, но и съ академіей, гдѣ его приняли весьма недружелюбно. Художники и профессора тоже возстали на „дворянчика“, когда онъ сталъ заниматься искусствомъ не какъ любитель, а какъ спеціалистъ. „Его дѣло,—говорили они,—полы натирать на придворныхъ балахъ, а не въ художники лѣзть, у другихъ хлѣбъ отбивать!.. Хочетъ быть и графомъ, и офицеромъ, да еще и художникомъ! Никогда никакой дворянчикъ не можетъ достигнуть того, чтобы быть настоящимъ художникомъ“. Отъ родныхъ Толстой ушелъ, но отъ колкостей и насмѣшекъ, встрѣченныхъ въ академіи, не могъ избавиться, такъ какъ ежедневно посѣщалъ классы. Съ своей замѣчательной выдержкой, онъ молчалъ, продолжая работать, и силой своего характера и дарованія побѣдилъ наконецъ всѣ непріязненныя отношенія къ нему. Два-

дцати-пяти лѣтъ отъ роду, онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ той самой академіи, которая сначала отнеслась къ нему такъ враждебно.

Такъ готовилъ себя графъ къ тому, чтò онъ самъ называлъ: „служеніемъ отечеству, искусству и человѣчеству".

VII.

No fact ever looms so large on me, no law remains so stead fast in the universality of its application, as the fact and law that great men are all great workers: nothing concerning them is matter of more astonishment than the quantity they have accomplished in the given length of their life.

Ruskin.

Какъ въ достиженіи своей цѣли въ жизни, такъ и въ своей спеціальной дѣятельности, отецъ отличался замѣчательной выдержкой и силой характера: чѣмъ больше ему встрѣчалось трудностей, тѣмъ энергичнѣе онъ дѣйствовалъ, и непремѣнно доводилъ начатое дѣло до конца. Если ему попадалось по дорогѣ что-нибудь, чего онъ не зналъ, онъ не боялся отклониться въ сторону и изучить до основанія нужный ему предметъ, чтобы потомъ болѣе сознательно вернуться къ своему спеціальному дѣлу. Столько вещей интересовало его, что рѣшительно не понимаешь, откуда у него хватало времени на все это. Существуетъ каталогъ его главныхъ художественныхъ произведеній, очень обширный каталогъ, но въ него не вошли многочисленные подарки, которые онъ дѣлалъ своимъ друзьямъ, то, чтò онъ считалъ пустяками, и то, чтò забылъ записать. Но, кромѣ художественныхъ работъ, онъ занимался дѣлами академіи, онъ былъ профессоромъ двухъ предметовъ, устроителемъ и завѣдующимъ мозаичнымъ заведеніемъ при академіи, хорошимъ математикомъ и механикомъ; онъ много читалъ; онъ писалъ статьи о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, начиная отъ учебниковъ гальванопластики до трактатовъ о нравственности въ войскѣ, писалъ даже повѣсти; записывалъ имъ выдуманные или испробованные способы и рецепты для составленія всевозможныхъ вещей, до сѣрныхъ спичекъ включительно; переписывалъ и калькировалъ цѣлыя массы художественныхъ изданій, которыя ему было трудно пріобрѣсти. Путевыя записки его составляютъ двѣнадцать толстыхъ томовъ. Инструменты, нужные ему для работы, онъ дѣлалъ самъ, или

передѣлывалъ по-своему; работалъ, не жалѣя себя, въ тѣхъ обществахъ, гдѣ участвовалъ, при этомъ не избѣгалъ вечеровъ, любилъ театры, музыку. Просто трудно повѣрить, что можно столько сдѣлать въ одну, хотя и долгую, человѣческую жизнь, но это становилось еще удивительнѣе, когда возьмешь въ соображеніе кропотливость и миніатюрность большинства его работъ, то количество труда, которое онъ полагалъ на каждую изъ нихъ, и самый способъ его работы. Его чудные цвѣты, бабочки и птицы сдѣланы почти пунктиромъ; надъ каждой изъ своихъ медалей отечественной войны онъ, по словамъ М. Ѳ. Каменской, работалъ въ продолженіе года. Безо всякаго механическаго пособія, своей рукой рѣзалъ онъ въ мѣди ихъ формы, работая при этомъ съ лупой. Хотя я не застала уже самой плодовитой поры его дѣятельности, но и я могу свидѣтельствовать о томъ, какое количество труда онъ полагалъ на каждую свою вещь. Сдѣлавъ эскизъ какого-нибудь рисунка и испачкавъ его милліонами перекрещивающихся линій, въ которыхъ онъ одинъ могъ разобраться, онъ переводилъ его на другую бумагу и опять начиналъ поправки; множество разъ тотъ же рисунокъ переводился, вырисовывался начисто перомъ, снова поправлялся. Такихъ перерисованныхъ и снова измѣненныхъ эскизовъ для медалей отечественной и турецкой войны и для дверей „Спасителя“ были у насъ цѣлыя кипы, поступавшія обыкновенно въ наши дѣтскія руки и безжалостно раскрашивавшіяся и вырѣзывавшіяся; между тѣмъ это былъ бы очень интересный матеріалъ, характеризующій безконечную добросовѣстность художника, который никогда не оставлялъ дѣла, пока не доводилъ его до крайняго, для него возможнаго, совершенства. Каждый честный художникъ, носящій въ себѣ свой идеалъ, не довольствуется никакими à peu près, но у многихъ художниковъ часто бываетъ, что первоначальные эскизы ихъ лучше послѣдующихъ, и что, ища свою линію или свой эффектъ, они теряютъ ихъ. Съ отцомъ этого не было: тотъ рисунокъ, на которомъ онъ останавливался, *всегда* былъ лучше всѣхъ предшествовавшихъ, которые тоже шли, постепенно улучшаясь. Доказательствомъ этому могутъ служить многіе, еще сохранившіеся у меня, его рисунки. Смотришь, бывало, на работу отца и думаешь: „Зачѣмъ онъ передѣлываетъ? Кажется, такъ хорошо!“ Но онъ улавливалъ незамѣтныя для другихъ детонирующія мелочи и не жалѣлъ трудовъ, чтобы довести свое произведеніе до полной гармоніи. Конечно, совершенно доволенъ своей работой онъ все-таки не былъ, ибо всякій истинный художникъ носитъ въ груди своей гораздо больше, чѣмъ можетъ выразить.

Для императрицы Елизаветы Алексѣевны, которую отецъ боготворилъ и называлъ ангеломъ доброты, онъ нарисовалъ двѣнадцать листовъ бразильскихъ бабочекъ съ натуры, передавъ ихъ металлическій блескъ такъ, что на рисункѣ, какъ и въ натурѣ, если смотрѣть сверху, бабочка казалась коричневой, съ одной стороны — синей, съ другой зеленой. „Какъ же ты могъ это сдѣлать?“ — спрашивала я его. — „Я работалъ съ лупой, — отвѣчалъ онъ, — пунктиромъ, поставлю выпуклую точку коричневой краски, а когда высохнетъ, съ одного бока поставлю синюю точку, съ другой зеленую, и такъ всю бабочку“. Казалось бы, что такая работа должна быть непремѣнно суха, но то-то и удивительно, что онъ, при такой отдѣлкѣ, не упускалъ изъ вида общее, и его бабочки рельефны и такъ полны жизни, что, кажется, сейчасъ полетятъ. Даже пустяки, которыми отецъ занимался въ свободныя минуты, и тѣ служили ему поводомъ къ мысли, къ изученію; за что бы онъ ни взялся, онъ серьезно отдавался этому дѣлу, какъ бы оно ни было мало. Онъ нарисовалъ цѣлую коллекцію рисунковъ акварелью для стереоскопа, цѣлыя вереницы рисунковъ, которые, приведенные во вращательное движеніе, изображали движущіяся фигуры: бѣгущихъ и прыгающихъ мальчиковъ, скачущихъ лошадей; устроилъ намъ разъ лѣсенку, по которой куколка-клоунъ, кувыркаясь, сходила сама по ступенькамъ и т. д.; все это существуетъ теперь, но не существовало тогда, когда онъ самъ до всего этого додумывался; его знаменитаго фокуснаго кабинета я уже не застала, но, должно быть, судя по разсказамъ, у него тамъ производились удивительныя вещи, — напр., онъ какъ-то посредствомъ проволоки передавалъ звуки съ одного мѣста на другое. Производя всѣ эти вещи, онъ интересовался, конечно, только законами физики и механики, сдѣланныя игрушки служили ему для опытовъ, а потомъ уже онъ увеселялъ ими дѣтскую компанію; въ иныхъ же случаяхъ, при желаніи повеселить дѣтей, ему приходили въ голову разныя мысли, которыя онъ потомъ разрабатывалъ. Оригинальны и прелестны его разрисованныя карты, изъ которыхъ, къ счастью, я сохранила нѣсколько колодъ. Упоминая выше о разнообразныхъ знаніяхъ и занятіяхъ отца, я, конечно, не назвала и трети всѣхъ ихъ и назвала довольно безпорядочно, но онъ не случайно занимался тѣмъ или другимъ, — одно послѣдовательно вытекало у него изъ другого и все стремилось къ цѣли: сдѣлаться, какъ онъ говорилъ, „образованнымъ художникомъ“. Помимо главнаго въ его искусствѣ — фигуры, онъ зналъ, что ему приходилось изображать на медаляхъ и рисункахъ зданія, аксессуары, животныхъ, и вотъ

онъ изучаетъ, со свойственной ему настойчивостью, архитектуру, археологію, теорію орнамента, физіологію и анатомію животнаго. „Если встрѣчается надобность помѣщать въ медаляхъ звѣрей, птицъ и всякаго рода пресмыкающихся,—говоритъ онъ въ своихъ запискахъ,—то они должны быть изображаемы совершенно вѣрно съ натурою, и всѣ ихъ движенія и дѣйствія должны быть сообразны съ природою и наклонностями животнаго; поэтому художникъ-медальеръ долженъ быть знакомъ съ зоологіей". Но кромѣ научной подготовки и искусства, онъ хотѣлъ еще овладѣть и ремесленной частью каждаго дѣла, которымъ занимался; привожу опять его слова: „Сдѣлавшись медальеромъ, я изучилъ, кромѣ извѣстной мнѣ художественной части этого искусства, и грубую техническую часть, принадлежащую къ медальерному искусству, какъ-то: ковку и закалку штемпелей, дѣланіе пунсоновъ, а также и всю операцію выбиванія медалей изъ металловъ въ исполненные медальерами штемпеля. Эти, чисто механическія производства не принадлежатъ къ занятіямъ медальеровъ, и для каждаго изъ этихъ занятій на монетномъ дворѣ есть особые мастера, но я думаю, что медальеръ долженъ знать, какъ дѣлается все, необходимое для производства медалей". И такъ разсуждалъ онъ во всемъ. Въ своихъ скульптурныхъ произведеніяхъ онъ дѣлалъ самъ каркасы, самъ формовалъ, самъ обтесывалъ мраморъ, ничья чужая рука не касалась его произведеній; можетъ быть, потому такъ мягокъ и жизненъ его мраморъ и такіе живые и нѣжные цвѣты на вѣнкѣ, украшающемъ голову его Морфея.

Никто, видѣвшій много произведеній отца моего, не откажетъ ему въ самой богатой фантазіи; воображеніе его было сильно развито; масса образовъ, не успѣвшихъ воплотиться, постоянно носилась въ его головѣ, но фантазія его подчинялась мысли и, въ его произведеніяхъ, являлась урегулированная разумомъ настолько, что не теряла своей пылкости и свѣжести, но пріобрѣтала спокойствіе и гармонію. Мнѣ кажется, одно изъ наиболѣе рѣдкихъ и драгоцѣнныхъ качествъ художника,—это именно тактъ, умѣнье удерживать равновѣсіе между разумомъ и воображеніемъ, не дать первому своей сухостью задушить всякій непосредственный порывъ вдохновенія и не дать фантазіи волю безформенно и безпорядочно носиться въ пространствѣ. Кто-то сказалъ, что „геній есть соединеніе таланта съ усиленнымъ трудомъ"; если подъ трудомъ понимать не одинъ только физическій трудъ, но и трудъ мысли, то это, пожалуй, довольно вѣрное опредѣленіе.

Хотя отецъ былъ преданъ классицизму, который теперь уже отжилъ свой вѣкъ, но въ свое время и въ своемъ дѣлѣ онъ былъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, новаторъ.

Zopf и rococo—вотъ что̀ вполнѣ царствовало тогда въ Россіи въ медальерномъ искусствѣ и отчасти въ скульптурѣ, вотъ что̀ было тогда рутиной и противъ чего ополчился отецъ, со своимъ разумнымъ стремленіемъ къ правдѣ и со своимъ чувствомъ красоты. Не могу удержаться, чтобы не привести еще нѣсколько выписокъ, которыя ясно показываютъ взглядъ отца на рутину его времени и на его собственныя нововведенія въ медальерномъ искусствѣ: „Всѣ эти медали во вкусѣ Людовика XIV-го были исполнены безтолковыми аллегоріями, представлявшими миѳическихъ боговъ въ тѣхъ каррикатурныхъ, фантастическихъ костюмахъ, въ какіе ихъ наряжали въ то время въ театрахъ,—звѣрей и птицъ, породы которыхъ невозможно было опредѣлить,—уродливыхъ пирамидъ съ висящими на нихъ вензелями и портретами, увѣнчанными гирляндами цвѣтовъ, лавровъ и дубовыхъ листьевъ. Представлялись также на медаляхъ уродливые, ни на что не похожіе храмы, тоже украшенные гирляндами, пылающіе жертвенники, колонны и т. п. И все это изображено было безъ всякаго вкуса, совершенно несообразно съ природою и безъ всякаго понятія о художествѣ и перспективѣ. Къ довершенію всего этого, между аллегорическими изображеніями миѳологическихъ боговъ, людей и животныхъ, зданій и разныхъ вещей, наставленныхъ на медаляхъ безъ всякаго толку, по землѣ, воздуху и во всѣхъ направленіяхъ сновало нѣсколько преуродливыхъ купидоновъ, одни—съ гирляндами, другіе—съ вѣнками, факелами, стрѣлами и даже пылающими сердцами и портретами въ рукахъ. Это смѣшное, жалкое положеніе медальернаго искусства у насъ на монетномъ дворѣ, стоявшаго внѣ всякихъ правилъ, требуемыхъ новѣйшею степенью художественнаго образованія, нужно было измѣнить“. И онъ излагаетъ новую программу, какъ должны производиться медали и какъ онъ будетъ производить ихъ. „Я полагалъ,—говоритъ онъ,—что всякой медали должно было предшествовать сочиненіе и вылѣпка медали изъ воска такъ, чтобы всякій, смотря на готовую медаль, могъ узнать, не прибѣгая къ надписи, на какой случай она выбита“.

Сюжетъ долженъ быть изображенъ „съ строгимъ сохраненіемъ красоты и вѣрности природы“, „строго соблюдая вѣрность костюмовъ, мѣстности и страны того времени и тѣхъ лицъ, при которыхъ совершилось долженствующее быть изображеннымъ событіе“; „костюмы должны быть изображены археологически вѣрно“.

Такъ какъ нерѣдко случается изображать на медаляхъ различныя зданія, то медальеру необходимо хорошо, вполнѣ основательно знать правила архитектуры и перспективы", „вообще рисунокъ медали долженъ быть исполненъ изящно и строго, сообразно съ натурой, и вполнѣ ясно изображать то дѣйствіе, въ память котораго чеканится медаль".

Преподаваніе медальернаго искусства отецъ вполнѣ создалъ у насъ въ академіи: изъ дѣла чисто ремесленнаго—создалъ искусство.

Строгаго копированія древнихъ образцовъ также не было въ произведеніяхъ отца. Во всѣхъ его многочисленныхъ барельефахъ и рисункахъ нѣтъ ни одной утвари, ни одного орнамента на одеждѣ, который былъ бы непосредственно скопированъ съ антика. Всѣ они сочинены имъ самимъ, но онъ такъ былъ проникнутъ античнымъ міромъ, такъ сжился съ нимъ, что эти его собственные орнаменты стильны, какъ будто ихъ создалъ грекъ временъ Перикла. Онъ не копировалъ, онъ возсоздавалъ античный міръ. Это яснѣе всего выступаетъ, если сопоставить рисунки отца съ рисунками Флаксмана. Рисунки послѣдняго—я слышала такое мнѣніе—ставятъ выше „Душеньки" моего отца, и именно потому, что Флаксманъ былъ ближе къ греческимъ подлинникамъ и архаистичнѣе, если можно такъ выразиться. Отецъ, дѣйствительно, вполнѣ свободно относился къ своему сюжету. Въ художественномъ мірѣ теперь существуетъ тенденція подражать формамъ болѣе древняго искусства, какъ болѣе искренняго и наивнаго. Эта тенденція мнѣ кажется явленіемъ неправильнымъ и временнымъ. Какъ можно подражать наивному, когда самое это слово обозначаетъ искренность и безсознательность? Какъ можно *сдѣлать* себя наивнымъ? А между тѣмъ это стараются дѣлать масса художниковъ и въ Европѣ, и у насъ. Ихъ недостатокъ заключается въ томъ, что они въ самомъ началѣ лгутъ, а ложь не можетъ существовать въ истинномъ искусствѣ. Я вполнѣ согласна, что настоящіе прерафаэлисты прелестны и трогательны, что византійское искусство имѣетъ глубокое значеніе, что въ нашей старинной живописи, какъ я ее видѣла въ Кирилловскомъ монастырѣ въ Кіевѣ, выражается геніальность художниковъ, которые съумѣли въ плохо нарисованныхъ образахъ передать свою мысль, свою глубокую вѣру. Но что̀ такое это „нерукотворенное", что̀, вопреки плохому рисунку, говоритъ нашимъ душамъ изъ картинъ этихъ художниковъ, какъ не ихъ настроеніе, ихъ правдивое исканіе, ихъ стараніе всѣми средствами, которыми они владѣютъ, передать свою мысль и чувство? Они

ни одного изъ своихъ бѣдныхъ знаній не бросали въ сторону, ни одного таланта, ввѣреннаго имъ Богомъ, не зарыли въ землю, напротивъ, они стремились изо всѣхъ силъ впередъ, къ свѣту... И вдругъ человѣкъ нашего времени, котораго самого создали цѣлые вѣка, прошедшіе съ тѣхъ поръ, человѣкъ другого развитія, другихъ вѣрованій, другихъ—куда болѣе обширныхъ—знаній, начинаетъ писать такъ, какъ тѣ художники, со всѣми ихъ внѣшними, свойственными дѣтству искусства, пріемами! Какъ же онъ не понимаетъ, что не во внѣшности заключается ихъ сила, а именно въ той искренности, которой у него нѣтъ, такъ какъ то, что̀ они дѣлали серьезно и убѣжденно, онъ дѣлаетъ *нарочно*.

Отецъ мой, съ его свѣтлымъ взглядомъ, всегда былъ чуждъ подобнымъ эксцентричностямъ. Онъ выбралъ для своихъ произведеній античную форму, потому что считалъ ее наиболѣе изящной, наиболѣе совершенной въ смыслѣ красоты, но его занимала не одна отжившая, хотя и прекрасная внѣшность, а та жизнь, которая билась подъ нею; онъ старался вникнуть душою въ эту жизнь и вдохнуть ее въ свои о̀бразы. Поэтому случалось иногда, что онъ отступалъ въ своихъ рисункахъ отъ древнихъ образцовъ. Я думаю, что если не въ орнаментахъ и драпировкахъ, которыя у него безукоризненны во всѣхъ отношеніяхъ, но въ сочиненіи и постановкѣ фигуръ нѣкоторые рисунки „Душеньки“ кажутся недостаточно сильными, то это зависитъ отъ того, что отецъ, для выраженія жизни древнихъ пользовался всѣми средствами современнаго искусства, а не хотѣлъ только копировать образцы. Возьмемъ для примѣра очаровательный рисунокъ, гдѣ Душенька хотѣла повѣситься; Амуры нагнули сукъ, а Душенька стыдливо опускаетъ поднявшееся платье. Психея на этой картинѣ вовсе не дѣлаетъ впечатлѣнія древней статуи, пейзажъ не представляетъ ничего классическаго, движенія амуровъ свободны и игривы; вся сцена изображаетъ что-то интимное, что-то жанровое, чего мы не встрѣчали ни въ древнихъ барельефахъ, гдѣ все такое героическое, ни на вазахъ, гдѣ все условное, ни у Флаксмана,—но развѣ такая сцена не могла произойти въ древнемъ мірѣ? Развѣ не могла и тамъ юная красавица гулять въ лѣсу съ ребятами и стыдливо опускать свое платье передъ маленькими шалунами? Развѣ тамъ все всегда было драматично и торжественно?

И вотъ, черезъ много лѣтъ послѣ „Душеньки“, открываютъ танагрскія статуэтки, прелестныя, граціозныя фигурки изъ обыденной жизни, настоящій древній жанръ... Не правъ ли былъ художникъ, когда онъ, не поддѣлываясь подъ существующіе об-

разцы, изображалъ древнюю жизнь, какъ онъ ее чувствовалъ и понималъ?

Изъ скульптурныхъ произведеній отца, по-моему, неизмѣримо выше всѣхъ бюстъ Морфея. Какая чистота профиля, какое благородство линій! Вотъ онъ, спокойный, жизнерадостный греческій бого-человѣкъ! Какъ превосходно и правдиво передано состояніе сна! Какая улыбка въ полуоткрытыхъ губахъ: и пріятная, и сонная, и слегка насмѣшливая... Не снится ли ему какая-нибудь милетская сказка?

Позднѣйшія статуи отца, работанныя въ мое время, уже не то. Петергофская нимфа, льющая изъ кувшина воду, еще очень хороша, и въ глинѣ была удивительно жизненна, такъ что всѣ удивлялись, какъ могъ онъ вылѣпить ее такъ хорошо и вѣрно безъ натуры; послѣдовавшія за ней двѣ статуи, также заказанныя Николаемъ Павловичемъ для Петергофа, послѣ его кончины не утвержденныя и оставленныя въ гипсовыхъ слѣпкахъ, уже носятъ на себѣ отпечатокъ упадка таланта. Обѣ онѣ прелестны по композиціи и полны граціи, но въ нихъ меньше натуры: таліи тонки, руки и ноги длинны и чувствуется нѣкоторая манерность, какъ и въ рисункахъ его къ стихотвореніямъ Щербины.

Во всемъ, что̀ только дѣлалось въ его время въ Россіи хорошаго и передового, отецъ мой или принималъ живое участіе, или помогалъ своимъ сочувствіемъ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ устроителей въ нашей родинѣ ланкастерскихъ школъ, и надо было слышать, съ какою любовью онъ въ старости разсказывалъ о ихъ успѣхахъ, чтобы понять, какъ энергично принялась тогда молодежь за это дѣло.

Объ учрежденномъ тайномъ обществѣ „Зеленой Книги" отецъ часто разсказывалъ мнѣ. Цѣль этого общества была распространять нравственность и карать зло силою общественнаго мнѣнія. Но общественное мнѣніе нужно было тогда создать. Устройство общества было слѣдующее: было центральное общество или кружокъ изъ шести человѣкъ, которые изъ своей среды избирали своего голову; каждый изъ членовъ учреждалъ новое общество или кружокъ изъ шести человѣкъ, въ которомъ онъ уже дѣлался головою; каждый изъ этихъ членовъ поступалъ такъ же.

Такимъ образомъ, общество быстро развѣтвлялось, но каждый изъ его членовъ зналъ только два его отдѣленія: то, въ которое вступалъ членомъ, и то, головою котораго дѣлался;

кромѣ этихъ двѣнадцати человѣкъ всѣ прочіе члены общества были ему неизвѣстны.

Если кто-нибудь изъ участвующихъ въ обществѣ узнавалъ о какомъ-нибудь дурномъ поступкѣ: насиліи офицера, лихоимствѣ чиновника и проч., то онъ обязанъ былъ сообщить объ этомъ въ томъ кружкѣ, гдѣ онъ былъ членомъ, а голова сообщалъ въ тотъ, въ которомъ онъ былъ только простымъ членомъ; такимъ образомъ, свѣдѣнія объ этомъ поступкѣ доходили до центральнаго общества, которое, провѣривъ достовѣрность сообщеннаго факта, поручало черезъ головъ всѣмъ членамъ общества говорить всѣмъ и каждому о недостойномъ поступкѣ такого-то. Такимъ образомъ создавалась широкая гласность, и человѣкъ, совершившій дурной поступокъ, изобличался передъ его начальствомъ и передъ обществомъ. Отецъ говорилъ, что много было случаевъ, гдѣ цѣли общества были вполнѣ достигнуты: изобличенные люди сами отказывались отъ своихъ мѣстъ, были изгнаны товарищами или начальствомъ. Членами центральнаго кружка были, сколько мнѣ помнится: князь Долгоруковъ, Муравьевъ-Апостолъ, другой Муравьевъ, Игнатьевъ, Ѳ. Н. Глинка и отецъ, котораго они выбрали головой.

Общество „Зеленой Книги", къ сожалѣнію, не долго продолжалось. Вслѣдствіе его организаціи оно не легко могло быть открыто, но нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ немъ будущихъ декабристовъ стали все болѣе и болѣе вносить въ него политическіе вопросы, которые были совершенно чужды первоначальнымъ цѣлямъ общества; тогда отецъ самъ предложилъ закрыть его и, получивъ согласіе членовъ, сжегъ всѣ книги общества. Во многихъ другихъ обществахъ участвовалъ отецъ, былъ также масономъ и мастеромъ ложи „св. Михаила къ добродѣтели", первой въ Петербургѣ ложѣ, гдѣ велись дѣла на русскомъ языкѣ.

Съ декабристами отецъ разошелся въ убѣжденіяхъ и не хотѣлъ ничего знать объ ихъ новомъ обществѣ: онъ не вѣрилъ въ возможность осуществленія ихъ дѣлъ и никогда ни въ чемъ не одобрялъ насилія, но знакомства съ ними онъ не прерывалъ и многихъ изъ нихъ очень любилъ.

О 14-мъ декабря онъ ничего не зналъ, хотя и видѣлся наканунѣ съ Рылѣевымъ и еще съ кѣмъ-то. Въ отрывкѣ изъ записокъ отца, который мнѣ удалось прочесть въ тотъ короткій срокъ, когда онѣ находились въ моихъ рукахъ, именно говорилось о происшествіи 14-го декабря, и ни одно описаніе этого событія не сдѣлало на меня такого сильнаго впечатлѣнія, какъ

этотъ безпристрастный, простой разсказъ о томъ, что̀ видѣлъ и чувствовалъ человѣкъ въ этотъ день. Все такъ просто, просто разсказано, безъ всякихъ комментарій. Какъ онъ, не зная, въ чемъ дѣло, пошелъ на Дворцовую площадь, что̀ видѣлъ тамъ, какъ ему стало такъ тяжело, что онъ не могъ тамъ болѣе оставаться, пошелъ по Галерной, и вдругъ что-то загудѣло, народъ шарахнулся, и ядро пролетѣло вдоль улицы: „да вѣдь тамъ могутъ быть женщины и дѣти!"... Потомъ, какъ онъ съ семьей ухаживалъ за раненымъ солдатомъ; какъ его требовали въ слѣдственную комиссію, и что̀ онъ отвѣчалъ тамъ. Его характеристика декабристовъ очень заинтересовала меня: всѣхъ онъ ихъ хвалитъ, кромѣ Пестеля,—послѣдній всегда былъ ему несимпатиченъ, и вліянію его отецъ приписываетъ тѣ крайности, въ которыя впали декабристы и которыя были причиной ихъ гибели. Въ тонѣ, какимъ онъ разсказывалъ объ особенностяхъ характера, объ умѣ, знаніи и талантахъ всѣхъ этихъ молодыхъ людей, сквозитъ горячая дружба и глубокая печаль, но словами онъ ни разу не высказываетъ сожалѣнія о самихъ декабристахъ, а только—о Россіи, которая лишится столькихъ способныхъ, дѣятельныхъ и честныхъ гражданъ.

VIII.

Lo splendor dell'aria sua rissenerava
ogni animo onesso.

Vasari.

Во время декабрьскаго возстанія, отецъ мой былъ уже женатъ на Аннѣ Ѳедоровнѣ Дудиной и имѣлъ двоихъ дѣтей: Елизавету и Марію. Въ запискахъ сестры моей, Маріи Ѳедоровны Каменской, напечатанныхъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ" за 1894-й годъ, прекрасно изображена жизнь отца въ его первой семьѣ. Въ нихъ отецъ нашъ описанъ такъ художественно, что, читая, я вижу его, какъ живого, передъ собой.

Одно только мнѣ не совсѣмъ понятно: въ этихъ запискахъ отецъ,—молодой, полный силъ, въ расцвѣтѣ своей дѣятельности, масонъ, основатель ланкастерскихъ школъ и проч.,—является гораздо менѣе либеральнымъ (я не умѣю подобрать болѣе подходящаго и менѣе затасканнаго слова), чѣмъ въ мое время, когда онъ былъ уже старикъ. Происходитъ ли это оттого, что сестра моя, писавшая въ очень преклонномъ возрастѣ, припоминала только то, что̀ ей самой было болѣе по душѣ, или оттого, что внѣшнія формы жизни и рѣчи были иныя въ то отдаленное

время,—не знаю. Я видѣла отца горячимъ сторонникомъ ожидаемыхъ реформъ, рѣзко и открыто выражающимъ протестъ противъ всего, что̀ казалось ему неправильнымъ и несправедливымъ. Я могла бы разсказать случаи такихъ вспышекъ, что мать моя приходила въ ужасъ. Отецъ всегда отвѣчалъ: „Развѣ я говорю неправду? Развѣ я не готовъ сказать то же самое въ глаза государю?“

Отецъ не былъ революціонеромъ, онъ всегда былъ противъ всякаго насилія; онъ не былъ и тѣмъ, что̀ потомъ называли „постепеновцемъ“,—не отъ одного времени ожидалъ онъ прогресса, а считалъ, что всякій, по силѣ и возможности, долженъ способствовать улучшенію человѣческой жизни и трудомъ своимъ, и честнымъ, правдивымъ словомъ; горячій отъ природы, онъ волновался и негодовалъ на все, что̀ задерживаетъ ходъ человѣческаго совершенствованія.

Онъ былъ патріотъ, горячо, страстно любившій Россію и все русское (даже терпѣть не могъ, когда русскіе говорили между собой на иностранныхъ языкахъ), но онъ былъ далекъ отъ узкой и несправедливой вражды къ „гнилому Западу“ и вездѣ равно цѣнилъ хорошее. Людей онъ различалъ не по ихъ національности или соціальному положенію, а по ихъ внутреннимъ качествамъ. Мужикъ былъ въ его глазахъ не *холопъ*, котораго можно презирать, и не *идеалъ*, передъ которымъ надо преклоняться, даже не *меньшій братъ*, а просто *человѣкъ*, такой же, какъ и онъ самъ.

Чтобы охарактеризовать его повседневныя отношенія къ людямъ, можно бы привести цѣлый рядъ случаевъ, вродѣ описаннаго сестрой моей [1]): если нужно было вытащить изъ грязи санки прачки или помочь плечомъ ломовому извозчику сдвинуть возъ, то отецъ никогда не обращалъ вниманія, есть ли у него при этомъ звѣзда на груди и не запачкаетъ ли онъ бѣлыхъ форменныхъ панталонъ.

Обожаемый прислугой, такой добрый, что избѣгалъ убить лишняго комара, отецъ, особенно въ молодости, былъ крайне вспыльчивъ, и въ минуты горячности не помнилъ, что̀ дѣлалъ. Съ нимъ случилось, что онъ, въ одинъ изъ такихъ моментовъ, ударилъ своего лакея такъ, что тотъ упалъ головой о печку, потерялъ сознаніе и былъ долго боленъ; „къ моему счастью,—говорилъ отецъ,—онъ совершенно выздоровѣлъ“. Разсказывая мнѣ это событіе, спустя полстолѣтіе послѣ его совершенія, онъ, каясь

[1]) „Историческій Вѣстникъ“ 1894 г., глава XI, стр. 648.

передо мной, имѣлъ трогательно-виноватый видъ. Не сказалъ онъ только мнѣ, что онъ шесть недѣль, бросивъ всѣ дѣла, провелъ у изголовья этого человѣка и ходилъ за нимъ, какъ сидѣлка. Послѣ такого урока, отецъ, въ минуты гнѣва, не поднималъ уже руки на людей, зато разбивалъ объ полъ свои начатыя работы. На моей памяти, этой участи подвергались уже только тарелки.

Какъ не было въ отцѣ моемъ гордости и важничанія, такъ не было и низкопоклонства,—онъ со всѣми былъ *самимъ собой*. Сила его безъискусственной правдивости вліяла даже на Николая I-го. Отецъ не боялся возражать грозному царю, когда дѣло касалось его спеціальности. Мнѣ извѣстенъ случай, когда отецъ при всей свитѣ и всей академіи заявилъ, что: „*и не подумаетъ* исполнить приказанія государя“, и, спокойно выдерживая сердитый взглядъ Николая, убивавшій, какъ тогда говорили, на мѣстѣ людей, приступилъ къ изъясненію своихъ мотивовъ. Къ чести императора, дѣло кончилось тѣмъ, что онъ сказалъ: „Ну, да тебя не переспоришь, дѣлай, какъ знаешь“.

Разъ въ Петергофѣ отецъ пошелъ посмотрѣть на парадъ: „Сталъ я,— разсказывалъ онъ,—къ самой палаткѣ, разговариваю съ знакомыми... Смотрю: государь идетъ, да прямо на меня и страшные свои глаза дѣлаетъ. Думаю: за что онъ на меня сердится? но смотрю на него прямо: онъ на меня глаза вытаращилъ, а я на него... Подошелъ близко, опустилъ глаза и повернулъ въ сторону. Тутъ я на себя оглянулся, а я въ своемъ сѣренькомъ сюртучкѣ и галстухѣ à la Byron, да въ самую середину всѣхъ генераловъ затесался!!“

Рѣзкія рѣчи иногда доходили до императора; одинъ разъ Адлербергъ нарочно пріѣхалъ къ отцу и передалъ ему слова монарха: „Спроси ты, пожалуйста, у Толстого, за что онъ меня ругаетъ? Скажи ему отъ меня, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, не дѣлалъ этого такъ публично“.

Со смертью Николая Павловича, отецъ потерялъ личнаго покровителя и щедраго заказчика, но онъ въ это время не думалъ о себѣ, а только о будущемъ благѣ отечества, которому заря новаго царствованія обѣщала многое. Надежда на эмансипацію крестьянъ была мечтой всей его жизни; примѣромъ, словомъ, вліяніемъ на окружающихъ способствовалъ онъ освобожденію. Онъ былъ безконечно счастливъ, что дожилъ до его осуществленія, и послѣдняя его работа была медаль въ ознаменованіе этого великаго и столь близкаго его сердцу событія.

Теперь скажу нѣсколько словъ о наружности отца. Роста

онъ былъ средняго, нѣсколько худощавъ и держался прямо,— почему казался высокимъ. Волосы съ просѣдью вились локонами; изъ-подъ нѣсколько нависшихъ бровей добрые сѣроголубые глаза смотрѣли открыто и ясно; прямой носъ съ подвижными ноздрями былъ точно выточенный; его профиль былъ совершенно правильный, еслибъ не выдающаяся, какъ почти у всѣхъ Толстыхъ, нижняя челюсть. Несмотря на этотъ недостатокъ, наибольшая, послѣ глазъ, прелесть его лица была въ губахъ: что-то такое красивое, ласковое, обаятельное было въ его улыбкѣ, что этого не передашь словами. Рука у него была гибкая и красивая, ухо маленькое и правильной формы, кости тонки, ноги необыкновенно малы [1]). Въ его бархатной шубкѣ, подбитой тигристымъ пестренькимъ мѣхомъ, которую онъ всегда носилъ дома, онъ имѣлъ спокойно-благородную осанку Вандиковскихъ портретовъ. Весь внѣшній образъ отца былъ крайне изященъ и соотвѣтствовалъ какъ нельзя болѣе его прекрасной душѣ. Въ манерахъ его была та врожденная, спокойная увѣренность, не допускающая возможности какимъ-нибудь внѣшнимъ дѣйствіемъ унизить свое достоинство, та благосклонная обходительность, дающая человѣку возможность найтись во всякой средѣ, всегда поставить себя на уровень съ тѣми людьми, съ которыми приходится сталкиваться, тѣ, никогда, ни въ какой обстановкѣ не измѣняющія себѣ вѣжливость и деликатность, такъ ярко выраженныя французскими словами „courtoisie“ и „urbanité“, все то неуловимое и тонкое, что̀ составляетъ плодъ воспитанія нѣсколькихъ поколѣній. Я отъ многихъ слышала, что въ отцѣ моемъ было что-то влекущее къ себѣ, и что „увидѣть его — значитъ полюбить“.

Привычка къ физическихъ упражненіямъ развила въ немъ силу, ловкость и здоровье. Когда онъ былъ женихомъ моей матери (ему тогда было 55 лѣтъ), онъ скакалъ верхомъ на своемъ знаменитомъ Гекторѣ изъ Парголова въ Петербургъ и обратно за моткомъ шерсти. Въ семьдесятъ лѣтъ онъ былъ такъ бодръ, что бѣгалъ съ нами и танцовалъ на вечерахъ, гдѣ его непремѣнно заставляли дѣлать соло въ кадрили и восхищались его антреша̀ и батманами. Онъ былъ большой ходокъ и до самой смерти совершалъ длинныя прогулки. Вообще онъ велъ правильную и умѣренную жизнь.

[1]) Отецъ разсказывалъ, что когда онъ послалъ Гёте свои барельефы изъ Одиссеи, поэтъ, между прочимъ, замѣтилъ: „У гр. Толстого должны быть очень маленькія руки и ноги; я это заключаю изъ того, что онѣ очень малы у всѣхъ его фигуръ“.

Вставалъ отецъ мой всегда рано и тотчасъ же принимался за работу. Въ кабинетъ приносили ему чай со сливками и трубку. Тутъ же приходили къ нему чиновники академіи и подавали рапортички на четвертушкахъ разграфленной сѣрой бумаги. Потомъ отецъ уходилъ въ канцелярію, классы или мастерскую; возвращался онъ къ завтраку и опять уходилъ до обѣда, послѣ котораго спалъ одинъ часъ, всегда предупреждая, чтобы мы не стѣснялись бѣгать и шумѣть. Проснувшись, онъ принималъ участіе въ нашихъ играхъ, ходилъ, разговаривая, съ кѣмъ-нибудь изъ насъ, по комнатѣ, или сидѣлъ въ нашей дѣтской, вырѣзывая изъ картъ и рисуя лошадокъ и коровокъ, иногда показывая намъ фокусы. Послѣ чая, который пили въ восемь часовъ, онъ уходилъ въ свой кабинетъ и работалъ обыкновенно до двухъ часовъ ночи. Кромѣ званыхъ вечеровъ, онъ не стѣснялся присутствіемъ гостей и рисовалъ слушая разговоры, чтеніе и музыку. Въ глубокой старости, когда у него начали утомляться глаза, онъ проводилъ нѣсколько времени по вечерамъ за раскладываніемъ пассьянсовъ.

Обстановка квартиры всегда говоритъ о личности ея хозяина. Когда отецъ жилъ съ своей первой семьей въ такъ называвшемся у нихъ „розовомъ домѣ“, принадлежащемъ академіи, вся квартира была отдѣлана въ греческомъ вкусѣ: зала имѣла форму ротонды съ колоннами и стекляннымъ куполомъ; между колоннами на нѣкоторой высотѣ были золоченыя жерди, съ которыхъ спускались, движущіяся на кольцахъ, блѣдныя розовато-лиловыя драпировки, вышитыя Анной Ѳедоровной, ея сестрами и тетей Надей. Спальня „Душеньки“ прямо срисована съ собственной спальни отца моего. Въ нашей квартирѣ въ академіи [1]) не было такъ стильно, но въ ней не было и безвкусицы, не было пустяшныхъ bibelots, все было просто, спокойно и глазъ отца могъ всюду покоиться на любимыхъ очертаніяхъ.

О кабинетѣ отца я уже говорила, также о залѣ, которая была большая, въ два свѣта, со сводами, съ приступками въ стѣнахъ у оконъ, гдѣ стояли табуреты; рамка зеркала, узенькіе диваны по стѣнамъ были краснаго дерева въ стилѣ empire; зала была украшена хорошими слѣпками съ античныхъ статуй и бюстовъ; изъ картинъ въ ней были только двѣ большія копіи съ Леопольда Робера и два оригинальныхъ этюда братьевъ Чернецовыхъ.

Голубая гостиная была самой веселой и нашей любимой

---

[1]) Уголъ набережной и Румянцовской площади.

комнатой. Мебель въ ней была сдѣлана по рисунку отца, въ неогреческомъ стилѣ, хотя и не въ сухомъ стилѣ „empire"; легкая и граціозная, съ откинутыми спинками, съ точеными ножками, она была замѣчательно красива: по полированному ясеневому дереву тянулся рельефный орнаментъ изъ темнаго краснаго дерева; изображающій переплетенныя вѣтви дуба и лавра; обивка была блѣдно-голубая. Прямо противъ входа изъ залы находилась амбразура окна, гдѣ также стояли голубые диванчики; вечеромъ она затягивалась голубымъ пологомъ, и комната освѣщалась спускавшимся съ потолка алебастровымъ фонаремъ съ бронзовыми львиными головами и цѣпями, также сдѣланными по рисунку отца.

Впослѣдствіи въ нишѣ передъ окномъ была поставлена нимфа отца, окруженная зеленью. За этой комнатой слѣдовала коричневая гостиная, строгая и темная, увѣшанная работами отца: восковыми медальонами, барельефами и цѣлымъ рядомъ фамильныхъ портретовъ, также сработанными имъ изъ воска. Такая же, какъ и въ смежной комнатѣ, ниша была заполнена диванчиками и столомъ, уставленнымъ бронзовыми вазами и фигурами, гдѣ между прочимъ была художественная лучерна съ фигурой Нептуна, подаренная отцу, во время его пребыванія въ Римѣ, русскими художниками. Спальня была отдѣлена отъ будуара перегородкой готическаго стиля съ разноцвѣтными стеклами, также исполненная по рисунку отца. Все въ домѣ напоминало его, дышало имъ.

Чтò меня болѣе всего плѣняетъ въ отцѣ моемъ—это цѣльность и гармоничность его развитія. Трудно сказать, чтò преобладало въ немъ: свѣтлый умъ, духовная высота, талантъ или физическая обаятельность. Онъ былъ одинъ изъ рѣдко встрѣчающихся примѣровъ вполнѣ уравновѣшенной натуры. Эта гармонія отражалась въ его жизни и убѣжденіяхъ, какъ и въ его художественномъ творчествѣ, чѣмъ-то широкимъ, яснымъ, чуждымъ крайностей, разностороннимъ и вмѣстѣ цѣлостнымъ [1]).

До конца жизни, при немощи старости [2]), при почти полной слѣпотѣ, умъ отца оставался свѣтлымъ; интересъ къ общественнымъ дѣламъ, любовь къ прекрасному и глубокая вѣра въ человѣческій прогрессъ не изсякли въ немъ. Какъ-то, въ последній годъ его жизни, мужъ мой и нашъ родственникъ Соколовъ стали говорить, что въ его время только были люди, что теперь мелкота пошла и молодое поколѣніе плохо стало. Отецъ совсѣмъ разсердился: „Чтò это вы говорите?—горячо возразилъ

[1]) Буслаевъ называлъ его „русскимъ Леонардомъ".

[2]) Отецъ мой умеръ 90-ти лѣтъ, въ 1873 году.

онъ,—это *неправда*, этого *быть не можетъ*! Молодое поколѣніе *должно* быть лучше стараго, *иначе зачѣмъ же мы работали*?!" Это говорилъ 90-ти-лѣтній старикъ...

Мнѣ отецъ мой представляется, какъ въ крупныхъ дѣлахъ, такъ и въ тысячахъ мелкихъ событій обыденной жизни, которыя то-и-дѣло мелькаютъ въ моемъ воспоминаніи, до такой степени совершеннымъ человѣкомъ, что мнѣ хотѣлось бы сочинить новыя, болѣе сильныя слова или обладать художественнымъ талантомъ, чтобы достойно обрисовать чудный образъ его, оставшійся въ душѣ моей; а между тѣмъ, боясь, чтобы меня не упрекнули въ пристрастіи, я ломаю себѣ голову, чтобы отыскать въ немъ слабыя стороны. При всемъ стараніи, нахожу только одну, это—его безхарактерность въ домашней жизни. Онъ, такой сильный, такой выдержанный въ своемъ дѣлѣ, въ своихъ убѣжденіяхъ, изъ-за этой слабости разстался съ любимой дочерью, причиня и ей, и себѣ, тяжелое страданіе. На моей памяти онъ также уступалъ въ случаяхъ, гдѣ онъ былъ вполнѣ правъ. Бывало, разсердится, хлопнетъ дверью, а потомъ самъ чуть прощенья не проситъ. Но, Боже мой, какъ винить его?! Онъ былъ уже немолодъ, всегда былъ очень занятъ, по своему характеру не могъ выносить, чтобы на него сердились или дулись; его счастьемъ было видѣть около себя довольныя лица, радость! Мира, мира жаждалъ онъ, отдыха, покоя послѣ трудовъ!

IX.

„Духъ вѣетъ, гдѣ хочетъ"...

При восшествіи на престолъ Александра II, отецъ мой позаботился о томъ, чтобы исходатайствовать прощеніе поэту и художнику Т. Г. Шевченку. Н. О. Осиповъ былъ посредникомъ въ перепискѣ съ поэтомъ. Но государь собственноручно вычеркнулъ Шевченка изъ списка прощенныхъ, будто бы сказавъ: „Этого я не могу простить, потому что онъ написалъ стихи противъ моей матери".

Осиповъ и моя мать говорили, что дѣло можно поправить при коронаціи. Отецъ ѣздилъ къ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, къ Адлербергу, но никто изъ нихъ не рѣшился повторить просьбу о помилованіи. „Будь, что̀ будетъ,—сказалъ отецъ,—самъ подамъ прошеніе отъ своего имени". Несмотря на то, что Марія Николаевна сказала ему, что это—безуміе, онъ исполнилъ свое намѣреніе.

Прошла коронація, — отвѣта не было. Волненіе въ нашемъ домѣ было большое, — всѣ предсказывали самыя ужасныя послѣдствія смѣлой выходки отца. Время тянулось, неизвѣстность все болѣе томила, но я должна сказать къ чести нашей семьи, что все вниманіе всѣхъ насъ было обращено не на личные интересы, а только на то: будетъ или нѣтъ освобожденъ Шевченко? Наконецъ, — никогда не забуду я этого вечера, — отвѣтъ былъ полученъ! Бумага пришла часовъ въ одиннадцать вечера; мы, дѣти, уже спали. Вдругъ тетя будитъ насъ. „Что такое?" — вскакиваемъ мы. — „Радость! радость! одѣвайтесь скорѣе, идите въ залу..." Въ одну минуту готовы, летимъ въ залу, попадаемъ въ объятія матери, въ объятія Николая Осиповича, который подбрасываетъ насъ на воздухъ. Тутъ и тетя Надя, ради такого торжества, спустившаяся со „своего верху", m-me Левель [1]), всѣ въ одинъ голосъ кричатъ: „Освобожденъ! освобожденъ! Шевченко освобожденъ!" Суютъ намъ какую-то бумагу... Отецъ притягиваетъ насъ къ себѣ, лицо у него свѣтлое и радостное... Раздается выстрѣлъ открываемой бутылки шампанскаго, и мы съ сестрой, точно теперь только проснувшись, начинаемъ кричать отъ радости и кружиться по залѣ.

Какъ извѣстно, Шевченко былъ задержанъ въ Нижнемъ и нуждался въ деньгахъ; чтобы доставить ему нужныя средства, у насъ устроился въ 1857-мъ году домашній спектакль.

Для насъ, дѣтей, это было необыкновенно веселое время. Мы были уже настолько взрослыя, что живо интересовались артистической стороной этого спектакля, и настолько дѣти, что насъ забавляли всѣ мелочи приготовленій, и мы устраивали себѣ массу побочныхъ удовольствій: десять разъ въ день бѣгали въ театръ и задавали на сценѣ собственныя импровизированныя представленія. Съ утра до ночи у насъ толпилась молодежь, гостили барышни. Машенька Константинова была годомъ меня старше, она воспитывалась въ одномъ изъ хорошихъ петербургскихъ пансіоновъ, и такъ какъ ея родители жили въ провинціи, а ея отецъ и дядя почти воспитывались у отца моего, то, понятно, Машенька всегда проводила праздники у насъ. Она была милая, ласковая дѣвочка, привязанная ко всѣмъ намъ и единственная изо всѣхъ моихъ подругъ, къ которой и я также была серьезно привязана и съ которой была вполнѣ откровенна. Живя въ пансіонѣ, гдѣ ей приходилось выносить много тяжелаго, она была гораздо разсудительнѣе и сдержаннѣе меня, но, по при-

---

[1]) Она снова жила у насъ.

родѣ веселая, чувствуя себя у насъ хорошо и свободно, она всѣхъ заражала своимъ милымъ, искреннимъ смѣхомъ. Она была маленькая, полненькая, хорошенькая, съ румяными щечками и ясными глазками; она была такой же ребенокъ и такъ же мало думала о кокетствѣ или ухаживанiи, какъ и я. Зато другая гостившая у насъ барышня, Лизанька Ш., дѣвушка лѣтъ 17-ти, высокая, полная красавица - блондинка, изображала изъ себя настоящаго diable-à-quatre; она все у насъ перевертывала вверхъ дномъ, пѣла, болтала, плясала, всѣхъ задирала, не исключая, даже отца моего. Мы, младшiя, безъ мѣры восхищались ею и слѣдили съ интересомъ за ея flirt'омъ съ г-мъ К. Она постоянно ссорилась съ нимъ, кокетничала при немъ съ другими и, доведя его до состоянiя полнаго отчаянiя, снова привлекала къ своимъ ногамъ и своей улыбкой дѣлала счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Мы были на сторонѣ молодого К., до слезъ жалѣли его, страшно злились на Лизаньку, когда она мучила его, но потомъ, также какъ и онъ, прощали очаровательную шалунью.

Вокругъ И. Л. Г. всегда тѣснилась толпа ухаживателей. Уже немолодая дѣвушка, но очень кокетливая, она была талантлива, умна, жива и обладала большимъ и хорошо обработаннымъ голосомъ. Она числилась пансiонеркой Елены Павловны, ученицей Глинки, пользовалась въ Петербургѣ репутацiей хорошей салонной пѣвицы и принимала у себя знаменитыхъ артистовъ. У нея я познакомилась впослѣдствiи съ Антономъ Рубинштейномъ. И. Л. была усердной посѣтительницей нашихъ вечеровъ, и въ этотъ разъ тоже принимала участiе въ спектаклѣ.

Всѣ эти flirt'ы были чѣмъ-то исключительнымъ въ нашемъ домѣ; они пронеслись съ этимъ спектаклемъ и исчезли съ нимъ, но въ это время атмосфера любви царила у насъ до такой степени, что даже мамà шутила, говоря, что ревнуетъ отца къ одной хорошенькой молодой барынькѣ, женѣ одного изъ нашихъ артистовъ. Нашъ домъ такъ и трепеталъ весельемъ.

Странно, какъ самыя противоположныя впечатлѣнiя совершенно спокойно рядомъ укладывались въ моей головѣ! Ясно помню я вечеръ первой считки, которая происходила въ субботу. По обыкновенiю отправилась я ко всенощной, чувствовала себя въ церкви очень хорошо, и въ какомъ-то торжественномъ, счастливомъ, но серьезномъ настроенiи прошла мрачными, полуосвѣщенными академическими коридорами; высокiе своды терялись въ таинственной мглѣ, каменныя плиты звонко отдавали звуки шаговъ, всегда возбуждая во мнѣ невольный страхъ...

Звонокъ, отворенная дверь—и на меня хлынули потоки свѣта, шумъ людского смѣха, пахну́ло широкой жизнью... И такіе контрасты не поражали меня, не противорѣчили другъ другу. Я брала свои радости,—какъ въ святой тишинѣ церкви, такъ и въ шумномъ веселіи гостиной,—все это совершенно естественно сливалось въ моемъ представленіи въ одно понятіе: благость ко мнѣ Бога,—мое счастье.

Въ этотъ вечеръ я въ первый разъ увидѣла у насъ m-me Кони, которая брала на себя роль Кауровой въ комедіи Тургенева: „Завтракъ у предводителя“, и пришла въ восторгъ отъ ея превосходнаго чтенія, а также отъ ея добродушія, веселости и умѣнья заинтересовать своимъ разговоромъ. Всѣ сразу рѣшили, что она сыграетъ эту роль лучше Линской, и, какъ оказалось впослѣдствіи, не ошиблись. Г-жа Кони, урожденная Сандунова, до замужества была актрисой, и заполучить талантливую и опытную артистку для одной изъ главныхъ ролей было большой удачей для домашняго спектакля—это должно было возбуждать и въ прочихъ участвующихъ желанье стать на ея уровень. Впрочемъ, всѣ относились горячо къ этому спектаклю, всѣ старались, чтобы онъ вышелъ на славу. Сцену устроили въ одной изъ залъ академическаго музея, гдѣ могли помѣститься 500 человѣкъ; Роллеръ взялся самъ ставить декораціи, Каратыгинъ—быть режиссеромъ, Самойловъ—репетировать съ актерами, Контскій—играть въ антрактахъ. Рѣшено было назначить спектакль тогда, когда пьесы будутъ разучены до малѣйшихъ деталей, и играть безъ суфлера. А. П. Рясовскій предложилъ въ концѣ спектакля представить французскаго продавца d'images d'Epinal, нѣчто вродѣ нашего раёшника, что̀ и было принято и, въ день представленія, имѣло большой успѣхъ, какъ нѣчто новое и оригинальное.

Послѣ этого вечера было еще нѣсколько считокъ, и потомъ уже приступили къ репетиціямъ, на которыхъ часто присутствовалъ и старикъ Сосницкій.

На каждую роль было нѣсколько желающихъ; на считкахъ дѣлался первый выборъ, но этимъ не довольствовались, бѣдныхъ заставляли выучивать роли, и на репетиціи окончательно выбирался лучшій актеръ. Всѣ охотно шли на это, и никто не обижался. Вообще, никакихъ ссоръ и неудовольствій не было; этому, кромѣ общаго соревнованія въ успѣхѣ спектакля, немало способствовалъ авторитетъ отца; онъ говорилъ: „мы всѣ согласны въ желаніи, чтобы этотъ спектакль вышелъ какъ можно

лучше, такъ ужъ навѣрное, господа, никто изъ васъ за правду обижаться не будетъ",—и всѣ съ нимъ согласились не допускать въ свою среду никакой мелочности.

Мирному характеру приготовленій къ спектаклю способствовало и то, что въ немъ участвовали только три женщины, которыя были каждая въ своемъ амплуа и не могли другъ съ другомъ соперничать.

Спектакль состоялся 13-го апрѣля 1857 года. Дѣйствительно, онъ былъ въ высшей степени удаченъ; его отличительная черта была та, что онъ совершенно не былъ похожъ на домашніе спектакли съ ихъ обыкновенной неурядицей и неумѣлостью. Никакія кулисы не задѣвали, никакихъ замѣшательствъ не было при входахъ и выходахъ; не было ни суеты на сценѣ, ни лишнихъ жестовъ у актеровъ; всѣ были свободны, какъ дома, всѣ имѣли видъ не любителей, а опытныхъ профессіональныхъ артистовъ; роли были разучены такъ, что играли, какъ и было предположено, безъ суфлера; загримированы были всѣ восхитительно; когда Н. О. Осиповъ зашелъ ко мнѣ передъ спектаклемъ, я не могла узнать его, хотя очень внимательно всматривалась въ него: гримъ былъ совершенно незамѣтенъ, даже вблизи казалось, что это—естественное лицо человѣка.

Всѣ играли хорошо, въ томъ числѣ и моя мамаша, въ „Дипломатіи жены", и m-lle Грюнбергъ въ „la Niaise de St. Flour", которая давалась по-французски, но въ главномъ „clou" спектакля, въ „Завтракѣ у предводителя", игра нашихъ артистовъ дошла до совершенства.

Каждый изъ нихъ создалъ типъ, и ни одинъ не впалъ въ шаржъ или карикатурность. Когда Осиповъ въ роли помѣщика Алупкина говорилъ фразу: „Ну, положимъ, мой мужичокъ укралъ козла; но вѣдь у меня дочь Екатерина, вы это возьмите въ соображеніе!",—говорилъ онъ это до того горячо, серьезно и убѣдительно, что весь театръ гремѣлъ отъ хохота; онъ представилъ типъ стараго отставного военнаго, крайне вспыльчиваго, недалекаго, но убѣжденнаго въ своемъ достоинствѣ. Шульманъ превосходно изобразилъ пронырливаго, мелкаго помѣщика-лизоблюда; Соколовъ въ роли дѣлящагося съ сестрой помѣщика Беспандина, былъ толстъ, лѣнивъ и апатиченъ, какъ настоящій южный помѣщикъ; роль предводителя Баласалаева, крайне неблагодарную, такъ какъ онъ все время только уговариваетъ и старается мирить, г-нъ Хитрово провелъ просто и хорошо. Двѣ очень маленькія роли бывшаго предводителя дворянства и судьи были такъ хорошо исполнены—первая Расовскимъ, а вторая художни-

комъ Мартыновымъ,—что производили взрывы восторга въ публикѣ. Бывшій предводитель является въ самомъ концѣ пьесы, когда Баласалаевъ уже отчаялся примирить брата и сестру; всѣ ждутъ, какъ утопающій хватается за соломинку, что̀ скажетъ бывшій предводитель; но онъ, хотя и сохранилъ привѣтливыя и свѣтскія манеры стараго джентльмена, видимо, впалъ въ дѣтство и ничего не понимаетъ. Окруженный всеобщимъ вниманіемъ, онъ пристально разсматриваетъ планъ раздѣла, говоритъ шамкающими губами: „Знаете, я бы это раздѣлилъ иначе: вотъ такъ... Я это, конечно, только en gros...“—и проводитъ пальцемъ по плану какую-то совершенно произвольную и ни съ чѣмъ несообразную линію. Картина. Баласалаевъ выражаетъ на лицѣ своемъ снисходительное презрѣніе къ своему предшественнику, будто говоритъ: „Чего же другого можно было ожидать отъ него?“ Братъ, у котораго было-блеснула нѣкоторая надежда, окончательно сраженъ. Судья Сусловъ, который во все время пьесы сидѣлъ за отдѣльнымъ столикомъ, закусывалъ, пилъ и ни на что не обращалъ вниманія, но теперь тоже приблизившійся къ общей группѣ, машетъ рукой и снова принимается за ѣду. Мартыновъ совсѣмъ не былъ загримированъ,—онъ и такъ какъ нельзя больше подходилъ къ этой роли: среднихъ лѣтъ, полный, немного лысый. Совершенно спокойно сидѣлъ онъ и, все время, съ наслажденіемъ смаковалъ всякія кушанья; когда предводитель обращался къ нему со словами: „не угодно ли вамъ посмотрѣть?“—онъ, съ полнымъ ртомъ и не трогаясь съ мѣста, отвѣчалъ: „я вижу!“—Онъ не дѣлалъ никакихъ жестовъ, ничего не утрировалъ,—просто сидитъ себѣ человѣкъ самымъ спокойнымъ образомъ и ѣстъ, но стоило взглянуть на него, чтобы разразиться неудержимымъ хохотомъ; въ чемъ, именно, заключался этотъ комизмъ, я даже не могу опредѣлить,—можетъ быть, именно въ простотѣ, естественности и серьезности, съ которыми это дѣлалось,—но Мартыновъ до сихъ поръ въ этой роли стоитъ передъ моими глазами, какъ живой. Лучше всѣхъ была И. С. Кони. У нея неоспоримо былъ громадный талантъ; въ этой пьесѣ она не играла,—она была сама г-жа Каурова. Среди дѣйствія произошелъ маленькій инцидентъ: Шульманъ, подавая m-me Кони редиски, нечаянно облилъ ее водой съ тарелки, но она такъ естественно вскинула на него глаза и такимъ недовольнымъ голосомъ сказала: „Да что это ты, мой батюшка?“, что публика осталась убѣждена, что такъ надо было по пьесѣ. Публики была масса, зала была биткомъ набита; въ антрактахъ, кромѣ оркестра на хорахъ, за сценой Контскій игралъ на фис-

гармоніи. Спектакль былъ довольно продолжителенъ, но онъ былъ такъ разнообразно составленъ и хорошо исполненъ, что никто не скучалъ, и тутъ же публика просила о повтореніи его, что̀ и было исполнено черезъ нѣсколько дней при такомъ же стеченіи и удовольствіи зрителей. Мы, дѣти, въ антрактахъ, конечно, летѣли за кулисы. Большое удовольствіе было намъ смотрѣть на публику въ дырочку въ занавѣсѣ, но много интереснѣе было присутствовать при той веселости, которая лилась за кулисами, около столовъ съ чаемъ и закуской, гдѣ толпились и актеры въ ихъ костюмахъ, и большинство нашихъ знакомыхъ. Столы были устроены въ большой залѣ музея, между женскими и мужскими уборными. Тетя всѣхъ радушно угощала, и наши расходившіеся актеры смѣшили насъ разсказами, анекдотами и продолжали за кулисами свои роли.

Несмотря на весь этотъ шумъ и на все это возбужденіе въ нашемъ домѣ, уроки мои шли своимъ порядкомъ. Не помню, хорошо ли шло ученіе именно въ это время, но вообще я хорошо и охотно училась. На меня не только домашніе, но и наши добрые знакомые смотрѣли почему-то какъ на выдающагося по своимъ способностямъ ребенка, чего-то особеннаго ожидали отъ меня, и меня это какъ-то обязывало учиться изо всѣхъ силъ. Это была, впрочемъ, единственная обязанность, которую я признавала; во всемъ остальномъ я предавалась своимъ желаніямъ и влеченіямъ. Этимъ я не хочу сказать, чтобы мнѣ позволялось дѣлать все, что̀ бы мнѣ ни вздумалось,—мои дѣйствія контролировались матерью, но такъ незамѣтно, что я этого не сознавала,—мнѣ же самой не приходилось приневоливать себя ни въ чемъ, кромѣ ученья, да и въ послѣднемъ случаѣ очень мало, такъ какъ ученье давалось мнѣ легко. Кромѣ того, что у меня была хорошая память, занятія были мнѣ очень облегчены отсутствіемъ экзаменовъ и полной свободой преподаванія. Давали мнѣ уроки лучшіе въ Петербургѣ учителя. Главное вниманіе было обращено на языки, литературу, исторію и искусства; немного физики было тоже включено въ програму, но два предмета, считающіеся главными во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, были совершенно исключены изъ моего образованія;—это были: ариѳметика и законъ Божій. Первый моя мамаша считала чѣмъ-то низшимъ, матеріальнымъ. Она была преисполнена немного запоздалаго романтизма, хотѣла создать изъ меня неземное, возвышенное существо, которое не должно было умѣть считать и разсчитывать, не должно было имѣть понятія ни о чемъ практическомъ, житейскомъ: „чѣмъ больше человѣка обма-

нываютъ, тѣмъ лучше для него, ибо это показываетъ чистоту его души; пусть его обманываютъ, но онъ не долженъ никогда терять довѣрія и любви къ людямъ". Понятно, что при такихъ воззрѣніяхъ шитье, хозяйство, обращеніе съ деньгами, были совершенно изгнаны изъ моего воспитанія. Почему такому же остракизму былъ подвергнутъ и законъ Божій, я не знаю навѣрное, но сознательно или безсознательно сдѣлала это моя мать, я ей за это глубоко благодарна. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ положивъ въ мои руки одно только Евангеліе, мать все-таки дала мнѣ возможность долгое время наслаждаться такою чистою вѣрой и такими блаженными религіозными экстазами, которые не выпадаютъ на долю тѣхъ, кто не имѣлъ вѣры, непосредственно создавшейся въ душѣ подъ вліяніемъ словъ божественнаго Учителя. Все для меня непознанное въ Евангеліи уходило въ туманъ передъ высокимъ ученіемъ Спасителя, передъ Его личностью, передъ Его кровавымъ потомъ, передъ Его свободно взятыми на Себя страстями: на Себя, Чистаго и Непорочнаго, за насъ, грѣшныхъ и неблагодарныхъ! Еще совсѣмъ маленькой я плакала надъ этими страстями; когда стала постарше,—падала ницъ передъ ихъ величіемъ.

Но возвращаюсь къ тѣмъ предметамъ, которымъ я училась: языки я знала очень хорошо, литературой занималась съ наслажденіемъ, но новѣйшую иностранную литературу не успѣла пройти со своими учителями, такъ что пришлось потомъ самой дополнять этотъ пробѣлъ: мои учителя всѣ необыкновенно долго задерживались на народной поэзіи и эпосѣ, или на классикахъ. Французскій мой учитель, m-r de Tournefort, такъ и застрялъ на Корнелѣ. Этотъ добрый старикъ ужасно потѣшалъ меня своей страстью къ этому писателю, къ которому я уже успѣла охладѣть. M-r de Tournefort былъ высокъ, худъ, серьезенъ, разсѣянъ и обыкновенно казался вялымъ и апатичнымъ, читалъ и диктовалъ самымъ беззвучнымъ голосомъ и монотоннымъ образомъ, но когда дѣло доходило до Корнеля, мой французъ преображался: глаза его горѣли, краска появлялась на лицѣ, голосъ дѣлался громкимъ, онъ воодушевлялся до того, что вскакивалъ съ мѣста и съ трагическимъ жестомъ восклицалъ: „Tout votre Goethe et tout votre Schakespeare ne valent pas cette seule phrase:—Qu'il mourût!" При этомъ онъ выговаривалъ „Гёте" и „Шакёспеаръ". Я тогда уже была хорошо знакома съ Шекспиромъ и немного съ Гёте, но, любуясь пыломъ Турнефора, не пыталась даже возражать ему.

Англійскій языкъ намъ преподавалъ г-нъ Бишопъ, очень

модный тогда учитель. Онъ давалъ намъ уроки на дому, но, кромѣ того, мы, когда стали постарше, ѣздили по вечерамъ къ нему на его практическіе курсы. Эти курсы были очень цѣлесообразны и интересны. Около длиннаго стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, подъ предсѣдательствомъ учителя, разсаживались ученики, все почти взрослые дамы и мужчины. Они читали по очереди вслухъ что-нибудь изъ поэтовъ-классиковъ, потомъ разбирали и критиковали прочитанное, спрашивали о томъ, что̀ имъ было непонятно, при чемъ разъясненія давалъ или также кто-нибудь изъ учениковъ, или самъ учитель; читали стихотворенія наизустъ. За симъ кѣмъ-нибудь изъ присутствующихъ говорилась рѣчь, экспромптомъ, на тутъ же заданную тему, или приготовленную дома. Иногда, вмѣсто рѣчи, происходили диспуты: одинъ ученикъ долженъ былъ защищать какой-нибудь назначенный учителемъ тезисъ, другой долженъ былъ опровергать его. Когда кто-нибудь покидалъ классъ, одинъ изъ учащихся долженъ былъ сказать ему прощальное слово, вновь поступающаго встрѣчали привѣтственной рѣчью. Послѣ этихъ упражненій подавался чай, во время котораго Бишопъ заводилъ разговоръ, стараясь втянуть въ него всѣхъ присутствующихъ, и вечеръ часто оканчивался живой и веселой бесѣдой. Иногда разыгрывались маленькія англійскія пьески, или передѣлывались сцены изъ романовъ; разъ у насъ воспроизводился судъ надъ Пиквикомъ; дѣйствующія лица могли говорить все, что̀ вздумается, лишь бы это было въ характерѣ того лица, которое они изображали. Понятно, что при такихъ занятіяхъ легко пріобрѣталось практическое знаніе языка, развязность и умѣнье говорить.

Не стану распространяться обо всѣхъ моихъ учителяхъ, между которыми были такія имена, какъ Сентъ-Илеръ, разсѣявшій мракъ, въ которомъ я пребывала въ области естественныхъ наукъ, какъ Бауеръ, будущій профессоръ петербургскаго университета, читавшій мнѣ настоящія лекціи, приводившія меня въ восторгъ и открывавшія мнѣ новый горизонтъ въ любимомъ моемъ предметѣ—древней исторіи; какъ А. Г. Контскій, человѣкъ, которому самъ Бетховенъ игралъ свои сонаты; упомяну только знаменитыхъ по своей части учителей танцевъ, Стуколкина, Пишо, старика-итальянца, пѣвшаго теноромъ въ шестьдесятъ лѣтъ и писавшаго мнѣ стихотворенія, вродѣ m-r Трикэ. Перейду къ тому изъ моихъ учителей, кто имѣлъ наибольшее вліяніе на мое развитіе, къ Н. Д. Старову.

Николай Дмитріевичъ Старовъ, поклонникъ Грановскаго, Бѣлинскаго и Герцена, былъ большой идеалистъ и мечтатель,

но вмѣстѣ съ тѣмъ удивительно живой человѣкъ. Большой шутникъ и весельчакъ, онъ хранилъ въ душѣ постоянное недовольство собой и горячую скорбь о страданіяхъ человѣчества; эта нотка дѣлала его симпатичнымъ. Онъ былъ до безконечности впечатлителенъ, страшно увлекался, мѣры ни въ чемъ не было у этого человѣка: онъ постоянно переходилъ изъ одной крайности въ другую, неистовый восторгъ смѣнялся у него такимъ же негодованіемъ, безумное веселье—отчаяньемъ. Надо удивляться, какъ тѣло его выносило такія постоянныя волненія. Можетъ быть, его чувства, вырываясь постоянно наружу, не ложились такимъ тяжелымъ гнетомъ на душу, какъ у болѣе замкнутыхъ натуръ; впрочемъ, онъ скоро сгорѣлъ и до успокоенія старости не дожилъ. Несмотря на свой умъ и начитанность, онъ былъ настолько необузданъ, что заносился въ своихъ рѣчахъ иногда до абсурдовъ, но всегда былъ вполнѣ искрененъ, и потому имѣлъ вліяніе на окружающихъ, въ особенности на молодые умы, и вліяніе, во всякомъ случаѣ, хорошее. Много умственной пищи, много различныхъ познаній пріобрѣла я отъ Николая Дмитріевича, хотя, надо правду сказать, въ весьма хаотическомъ состояніи. Одинъ урокъ толковалъ онъ о подлежащемъ и сказуемомъ, слѣдующій—о значеніи формъ глаголовъ въ разныхъ языкахъ; разъ цѣлый урокъ разбиралъ этимологическое происхожденіе двухъ-трехъ словъ, другой—позабывъ часы и время, посвящалъ горячей защитѣ правъ женщинъ: привычнымъ жестомъ откинувъ назадъ спадавшую на лобъ прядь волосъ, быстро шагая по комнатѣ, захлебываясь отъ волненія, онъ несся тогда на всѣхъ парàхъ; рѣчь его лилась восторженно и красиво, заставляя замирать и трепетать мое юное сердце. Старовъ читалъ мнѣ все: Бѣлинскаго, Шекспира и Гервинуса, Домостроя, Тредьяковскаго и Герцена, все съ собственными комментаріями, съ тѣми же горячими диѳирамбами и филиппиками... Онъ широкой струей вливалъ въ мою душу и идеализмъ сороковыхъ годовъ, и либерализмъ пятидесятыхъ; онъ мало научилъ меня русской грамотѣ, но научилъ мыслить, чувствовать, задумываться надъ прочитаннымъ.

Заговоривъ о моемъ образованіи и воспитаніи, я должна упомянуть здѣсь, что, какъ въ раннемъ дѣтствѣ, такъ и въ юности, мать съумѣла изолировать меня отъ міра моихъ сверстницъ по годамъ. Какъ въ дѣтствѣ, такъ и въ юности, у меня, кромѣ Машеньки Константиновой, не было подругъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Тѣ дѣвушки, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться почти каждый день, были очень далеки отъ меня, онѣ

чуждались меня и называли bas bleu; я же считала ихъ пустыми, смотрѣла на нихъ свысока̀ и, привыкшая къ мужскому обществу, не интересовалась ихъ болтовней; наши съ ними разговоры были всегда, если можно такъ выразиться, оффиціальными и только усугубляли мое презрѣніе къ этимъ барышнямъ, неизмѣримо выше которыхъ я, въ своей безпричинной гордости, себя считала. Вслѣдствіе такого холоднаго отношенія къ подругамъ, я никогда не узнала того, что̀ дѣвушки обыкновенно очень рано узнаютъ изъ интимныхъ разговоровъ другъ съ другомъ. Романы мнѣ позволили читать съ четырнадцати лѣтъ, и то только англійскіе, и тогда я, въ восторгѣ, жила съ героинями Диккенса. Когда случалось, что мама̀, или гувернантка, оставляли въ комнатѣ книжку французскаго романа, я не прикасалась къ ней: мнѣ было достаточно, если я слышала отъ матери: „это не для тебя“, или: „это тебѣ не будетъ интересно“. Не подозрѣвая существованія запретнаго плода, я не искала его; къ тому же я была такъ добросовѣстна, что если мнѣ давали книгу и отмѣчали, что отъ такого мѣста до такого я не должна читать, то я избѣгала даже какъ-нибудь нечаянно кинуть взглядъ на эти строки.

Пусть это покажется смѣшно современной молодежи, но я считала бы себя опозоренной въ собственныхъ глазахъ, еслибы сдѣлала что-нибудь *тайно*, допустила себя до какой-нибудь *лжи*. Если я бунтовала, то бунтовала открыто.

X.

O, primavera, gioventù dell'anno!
O, gioventù, primavera della vita!

1857—58-й годъ былъ знаменателенъ въ моей жизни; онъ былъ особенно богатъ впечатлѣніями, и въ это время разыгрался мой дѣтскій романъ.

Мнѣ минуло четырнадцать лѣтъ, и день моихъ именинъ былъ отпразднованъ въ этомъ году особенно весело и торжественно: у насъ долженъ былъ быть танцовальный вечеръ, и меня сильно занимало, что я буду танцовать со взрослыми. Вывозить меня, конечно, еще и не думали, но мама̀ считала, что одинъ разъ повеселить меня дома не принесетъ мнѣ вреда.

Проснулась я утромъ и вижу надъ собой дорогое лицо, слышу тихій, ласковый голосъ: „Поздравляю тебя, родная!“ — „И я тебя, тетя!“ — говорю я, полусонная, обхватываю ея шею и притягиваю къ себѣ. — „Вставай, милая, въ церковь пора!“ — Я пово-

рачиваю голову и вижу передъ своей кроватью столикъ, убранный горшками цвѣтовъ. „Это отъ тебя?"—спрашиваю я и знаю, что это такъ, и рада, что ея подарокъ—первый, полученный въ этотъ день.—„А вотъ эту книгу прислалъ тебѣ Костенька; ты знаешь, онъ вѣдь предупреждалъ, что самъ не придетъ, потому что будутъ гости".—„Знаю ужъ я его!"—говорю я, улыбаясь, и рада, что его подарокъ тутъ же вмѣстѣ съ тетинымъ; что̀ бы мнѣ ни подарили, ужъ я напередъ знаю, что дороже для меня этихъ не будетъ.

Когда я выбѣжала въ залу, меня поразило неожиданное зрѣлище: вся комната обращена въ зимній садъ и въ копнѣ—мой вензель! Цѣлую ночь работали тутъ наши друзья, чтобы доставить мнѣ удовольствіе. Въ какомъ-то чаду отъ восторга, я отправляюсь въ церковь; въ передней тетя суетъ мнѣ въ руку что-то маленькое: „Вотъ, ты хотѣла имѣть образокъ Екатерины Великомученицы; я напомнила мама̀ и купила тебѣ, возьми его въ церковь!"—Возвращаемся мы изъ церкви какъ разъ къ завтраку, который накрытъ въ моей классной. Тутъ встрѣчаетъ меня семья и кое-кто изъ знакомыхъ; мама̀ говоритъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ на тему, что я теперь стала старше, начинаю новый годъ моей жизни, и проч. Я теперь по себѣ знаю, что родителямъ очень трудно обойтись безъ такихъ безполезныхъ рѣчей въ торжественныхъ случаяхъ, но и тогда это казалось мнѣ тоже неизбѣжною принадлежностью торжества; я искренно обѣщаю въ этомъ году вести себя совсѣмъ хорошо и устремляюсь къ столу съ подарками.

Весь день прошелъ оживленно и весело, а вечеръ былъ настоящимъ упоеньемъ для меня. Я еще была слишкомъ молода, чтобы играть роль хозяйки и думать о другихъ,—напротивъ, *меня* чествовали и веселили: я свободно, вся предалась своей радости и за цѣлый вечеръ не присѣла ни на одну минуту: всѣ наперерывъ танцовали со мной, и я увѣрена, что это имъ самимъ доставляло удовольствіе, такъ какъ такого беззавѣтнаго счастья имъ врядъ ли случалось видѣть на человѣческомъ лицѣ. Когда, въ фигурѣ мазурки, кавалеры, хлопая въ ладоши, отбивали меня другъ у друга, въ состязаніи принялъ участіе папа̀, отбилъ меня отъ всѣхъ и всю остальную мазурку протанцовалъ со мной [1]). Я плясала до восьми часовъ утра, и на другой день не могла встать, ибо ноги мои такъ распухли, что даже чулки не налѣзали на нихъ; вотъ это такъ былъ настоящій „первый балъ"!

---

[1]) Ему тогда шелъ 74-й годъ.

Мнѣ не приходило въ голову, чтобы нашъ Костенька отважился присутствовать на балѣ, поэтому я совсѣмъ и не вспоминала о немъ въ этотъ вечеръ.

К. П. К. былъ одинъ изъ тѣхъ несчастныхъ людей, которые необыкновенно способны къ саморазъѣданью и очень сенситивны: ложь, пошлость причиняли ему страданіе, всякая малость причиняла ему боль, а судьба не щадила его. Тетя разсказывала мнѣ, что онъ любилъ одну молодую дѣвушку, а такъ какъ отецъ ея объявилъ, что не отдастъ свою дочь за художника, то К. П. бросилъ академію, гдѣ успѣшно занимался, и поступилъ чиновникомъ въ департаментъ; но отецъ обманулъ его и все-таки не выдалъ за него дѣвушки, которая тоже любила К. Пожертвовать своимъ призваніемъ и не получить взамѣнъ ожидаемаго счастья —этого было достаточно, чтобы надломить человѣка, не обладающаго сильнымъ характеромъ.

Когда К. П. познакомился съ нами, онъ былъ дикъ и озлобленъ, онъ бѣгалъ отъ людей; часто, придя къ намъ и увидя, что у насъ уже кто-нибудь есть, онъ снова надѣвалъ пальто и уходилъ. Постепенно онъ сталъ относиться довѣрчивѣе къ людямъ, но все-же избѣгалъ общества и предпочиталъ нашу дѣтскую. Мы, дѣти, испытали на себѣ, сколько нѣжности и любви было въ его сердцѣ. Онъ умѣлъ облекать свои слова о любви, добрѣ и правдѣ въ ясные образы, доступные дѣтскому пониманію; онъ рисовалъ въ наши тетрадки прелестныя вещицы; во время моей болѣзни, въ этомъ году, цѣлыми днями просиживалъ у моей постели, разсказывалъ, читалъ и переводилъ мнѣ массу прекрасныхъ вещей. Я чувствовала въ этомъ человѣкѣ такое богатство сердечной теплоты, такую деликатность души, а узнавъ объ его несчастной судьбѣ, я испытывала къ нему такое нѣжное сожалѣніе, что я все больше и больше привязывалась къ нему, все больше и больше привыкла дѣлиться съ нимъ каждою мыслью. Говорятъ, мы были похожи другъ на друга лицомъ и насъ иногда принимали за брата и сестру. По настоянію К., я начала въ этомъ году писать дневникъ; онъ вообще такъ умѣлъ со мною обращаться, что стоило ему своимъ ласковымъ голосомъ тихо сказать мнѣ: „сдѣлайте это для меня, Катечка!“—чтобы я съ радостью исполнила то, что̀ передъ тѣмъ казалось мнѣ непріятнымъ и скучнымъ.

Прошелъ день послѣ моихъ именинъ, прошла недѣля, мѣсяцъ, а К. все не являлся къ намъ. Я знала, что онъ здоровъ, терялась въ догадкахъ, мнѣ каждую минуту недоставало его. Наконецъ, тетя, подъ секретомъ, объяснила мнѣ причину. К. П. имѣлъ какой-то непріятный разговоръ съ мама̀.

Посреди обычныхъ занятій медленно и скучно тянулась зима. Случилось, что мою любимую собачку, Биби̂, переѣхали сани. Смерть ея была моимъ первымъ горемъ, сильно, интенсивно воспринятымъ горемъ. Много дней разливалась я горючими слезами надъ своимъ дневникомъ, гдѣ изображала самые трогательные некрологи Бибишкѣ, наконецъ не вытерпѣла и написала К. Вотъ отвѣтъ, который я получила отъ него: „Милая Катечка, мнѣ тоже скучно и жаль бѣднаго Бибишку, но больше всего мнѣ хочется, чтобы вамъ было легче. Не плачьте слишкомъ много, пожалѣйте свѣтлые глазки свои. Мнѣ жаль васъ, и вы не ошиблись, что я раздѣлю ваше горе, потому что понимаю его. Но въ жизни все такъ полно жизни, не плачьте слишкомъ много, милая Катечка. Ваше горе заставило васъ написать письмо; ваше письмо, прежде всего, принесло такъ много счастья мнѣ. Благодарю васъ, ангелъ мой. О, какъ хотѣлось бы мнѣ утѣшить васъ. Но какъ—не знаю? Я любилъ покойника Биби, мнѣ жаль его преждевременную кончину, жаль этихъ слезъ, которыя льются по немъ, и ту привязанность, которая порвалась, и то сердце, у котораго отняли ее. Мнѣ жаль васъ, Катечка, но утѣшьтесь, не плачьте слишкомъ много. Вы должны владѣть своими чувствами, а не отдаваться имъ во власть. Утѣшьтесь. Мы всѣ теряемъ,—вы потеряли Биби, а я сестру“.

Когда я теперь перечитываю это памятное письмо, мнѣ кажется, что оно какъ нельзя болѣе рисуетъ человѣка: и умъ его, и сердце. Какъ онъ съумѣлъ стать на уровень ребенка, понять, что для меня Бибишка былъ другомъ, существомъ, одареннымъ и чувствомъ, и мыслью! Какъ своимъ сочувствіемъ располагаетъ меня къ довѣрію, какъ нѣжно, какъ постепенно подходитъ къ тому уроку, который хочетъ дать мнѣ, и какъ эффектно и сильно, наконецъ, преподаетъ его! Въ то время, когда я получила это письмо, я, конечно, ничего не анализировала, но дѣйствіе, желаемое К., было полное. Когда я начала читать, сердце мое таяло въ благодарности и вѣрѣ въ Костеньку; когда я дошла до словъ: „вы должны владѣть своими чувствами“— я испытывала приливъ бодрости и даже гордости, а послѣдняя фраза просто ошеломила меня, точно чѣмъ-то больно хлестнула: слезы мои изсякли разомъ, и мнѣ стало стыдно, глубоко стыдно. Какъ смѣшно показалось мнѣ мое маленькое горе, изливаемое такими громкими словами, передъ его великимъ горемъ, выраженнымъ такъ просто, будто мимоходомъ. Эта послѣдняя фраза, это сопоставленіе двухъ потерь, было мастерскимъ пріемомъ, сильнымъ лекарствомъ, сразу отрезвившимъ меня. Я была уничтожена и вмѣстѣ глубоко тронута.

Послѣ этого случая, тоска моя по Костенькѣ усилилась; я часто вспоминала о немъ въ своемъ дневникѣ: „когда онъ говоритъ со мной“,—писала я—„я дѣлаюсь бодра, и могу побѣдить все зло, которое во мнѣ...“

„Мнѣ кажется, я не могу жить безъ него... Фу, глупости! Живу же!“

Я повѣряла свои мысли дневнику, но никогда ни съ кѣмъ не говорила больше о К., потому что съ нѣкоторыхъ поръ, когда упоминали при мнѣ его имя, я стала вспыхивать какъ огонь, и это приводило меня въ совершенное отчаяніе,—всякій разъ хотѣлось сквозь землю провалиться.

Зима стала склоняться къ веснѣ, а во мнѣ происходило что-то новое и странное... Я вдругъ начала „думать“; прежде я всегда или занималась, или разговаривала, или играла, теперь я стала цѣлыми часами сидѣть и „думать“. Ниша въ окнѣ коричневой гостиной сдѣлалась мѣстомъ моихъ новыхъ „думъ“. Что̀ это были за думы—трудно даже передать; это были скорѣе какія-то неясныя грезы и ощущенія: что-то небывалое закрадывалось въ сердце, что-то сладкое и грустное, слегка волнующее и баюкающее, какъ колыбельная пѣсня... Грезилась мнѣ природа, деревня, вѣчное лѣто, лунныя ночи, покачиванье лодки, шелестъ камышей на заливѣ, все это какое-то преображенное и безмятежное, всѣ мои милые тамъ, никто не ссорится, всѣ какъ-то особенно счастливы и всегда, всегда Костенька со мной...

Въ это же время сильный наплывъ религіознаго чувства овладѣлъ мною: въ перемежку со своими мечтами, я зачитывалась Евангеліемъ. Наступила страстная недѣля. Машенька Константинова была очень религіозна, въ ней вѣра сидѣла крѣпче, чѣмъ во мнѣ, но она была менѣе восторженна.

Въ этотъ годъ мы усиленно постились, съ наслажденіемъ посѣщали всѣ службы, поддерживали другъ друга въ этомъ настроеніи, читали вмѣстѣ молитвы, но я, одна въ своей комнатѣ, приходила въ настоящій молитвенный экстазъ: грудь просто не вмѣщала силы любви къ Богу... Для исповѣди священникъ приходилъ къ намъ въ домъ вечеромъ, въ страстную пятницу. Въ темной гостиной, передъ столикомъ съ Евангеліемъ, крестомъ и восковой свѣчкой, рыдая, спрашивала я, какъ надо дѣлать добро и помогать людямъ? Что-то незатѣйливое сказалъ мнѣ нашъ добрый старичокъ-исповѣдникъ, но натянутое состояніе моихъ нервовъ вдругъ разрѣшилось божественнымъ покоемъ и радостью, мнѣ было такъ легко, точно камень сняли съ меня, точно мнѣ дали другую, лучшую душу. Когда я лежала вечеромъ въ своей

постели, мнѣ казалось, что еслибъ всѣ сказочныя чудовища, всѣ призраки и мертвецы, съ Гоголевскимъ Віемъ во главѣ, нагрянули теперь на меня, я бы нисколько не испугалась: я чувствовала себя чистой, безгрѣшной, я чувствовала близость Божію, я ощущала около себя дуновеніе Его...

Жалѣю я дѣтей, которыхъ рано коснулось безвѣріе и которыя не испытали такихъ чудныхъ мгновеній!

Весна показалась мнѣ особенно прекрасной, и я начала замѣчать многія красоты тоновъ и красокъ, которыхъ не замѣчала прежде; съ весеннимъ солнцемъ врывался въ мою душу лучъ надежды, и я убѣждала себя, что теперь я скоро, непремѣнно, должна встрѣтиться съ Костенькой и сказать ему, что̀ я перечувствовала въ эту длинную зиму. Въ одно прекрасное утро, на набережной Невы (можетъ быть, не безъ содѣйствія тети), мы встрѣтились... Но лучше передать мою кратковременную идиллію словами ея четырнадцатилѣтней героини,—гдѣ же теперь, проживши всю жизнь, найти слова достаточно свѣжія и наивныя!..

„Пятница 11-го апрѣля.—Гуляя по утру, на набережной, мы встрѣтили К. Намъ такъ много надъ было сказать другъ другу, а мы молчали, или говорили про выставку, про собакъ!.. И ничего, ничего объ томъ, что̀ было нужно, что̀ бы мнѣ такъ хотѣлось сказать ему... Мнѣ не было ни весело, ни пріятно, я какъ будто ничего не чувствовала, ничего не помнила.

Теперь у меня такое странное чувство: то сердце вдругъ заноетъ и такъ скучно, точно я занята какими-то мыслями, а мыслей никакихъ нѣтъ; то мнѣ весело и хочется смѣяться; то хочется молиться и быть одной; не знаю, что̀ такое. .

21-го апрѣля.—Третьяго дня мы опять встрѣтили К. Я очень просила его придти къ намъ, и онъ въ тотъ же вечеръ пришелъ. Мнѣ опять не было ни пріятно, ни весело, я почти не говорила, была какъ-то холодна съ нимъ, раздражительна, но зато вчера—какое блаженство! Мы цѣлый вечеръ говорили. Была гроза. Мнѣ было такъ хорошо, да, я думаю, и ему тоже“.

Я должна замѣтить, что еще въ началѣ зимы, когда К. приходилъ, я бросалась къ нему на шею, садилась на колѣни; когда же весною онъ явился къ намъ, я подала ему руку и называла съ этой минуты по имени и отчеству. Я сама не знала, почему, но мнѣ было невозможно иначе... Возвращаюсь къ своему дневнику.

„25-го апрѣля.—Костенька бываетъ теперь каждый день, и намъ такъ весело вмѣстѣ. Мы говоримъ о многомъ, о многомъ!

1-го мая.—Цвѣточная выставка—это прелесть, волшебный садъ Черномора; розы всѣхъ цвѣтовъ и формъ, пальмы, кактусы, чудо! К. былъ съ нами. Не скажу почему, но только я—глупая.

14-го мая.—Вчера мы долго гуляли по Косой линіи; было сыро, мы шли по морсткамъ; съ заборовъ свѣшивались жидкія вѣтви расцвѣтающей сирени; тетя шла съ Ольгой, я—съ К. Мы заговорили о томъ, какъ сладка вѣра, какъ прекрасно Евангеліе, какая дивная мысль, что Богъ—Отецъ нашъ; какъ эта мысль возвышаетъ насъ и сближаетъ съ Нимъ!.. Я разсказывала, какъ мнѣ было легко на душѣ послѣ исповѣди, какъ мнѣ казалось, что Богъ надо мной, и я какъ будто чувствовала Его дыханіе. Ужасно, что это прошло и что я опять сдѣлалась дурною; мнѣ кажется, что я никому ничего не дѣлаю, кромѣ зла.

— Вы мнѣ дѣлаете добро,—сказалъ онъ:—съ вами мнѣ весело и я счастливъ. Когда мнѣ бываетъ грустно и тяжело, и я вспоминаю о васъ, то мнѣ хочется молиться; мысль о васъ соединяется съ мыслью о Богѣ...

— Если это правда,—отвѣчала, я—то это не я причиной, а вы сами.

— Вы себѣ цѣны не знаете; я двадцать-три года живу на свѣтѣ и лучше васъ знаю людей.

— Зато вы знаете меня только три года, а я себя знаю уже четырнадцать.

— Вы это въ вашемъ дневникѣ пишете?

— Чтò?

— Вотъ чтò вы мнѣ о себѣ разсказывали?

— Тамъ еще больше написано: еслибы вы знали все! Ну,—сказала я серьезно,—теперь скажите, отчего вы къ намъ не ходили?

— Оттого что я обидѣлся; но когда увидѣлъ, что это было глупо, тогда осталось одно сожалѣніе. Я такъ страдалъ это время. Это было наказаніе Божіе, но я страдалъ больше, чѣмъ того стоилъ.

Да, я вѣрю, что онъ очень, очень любитъ меня, такъ же, какъ и я его.

27-го мая.—Вчера мы много и серьезно разговаривали. Какъ пріятно мнѣ слушать его! Я не могу записать его слова; я напишу все это, когда я буду больше знать, когда я буду большая и перо будетъ меня слушаться; все равно, оно написано въ моемъ сердцѣ.

20-го мая.—Я сидѣла на открытомъ окнѣ, и чувствовала, что я счастлива, счастлива!.. О, благодарю Тебя, Господи, что Ты сохранилъ меня отъ холоднаго безвѣрія и томительнаго сомнѣнія! И какъ можно не вѣрить, когда посмотришь на солнце, на тучи, на море, на лѣса и луга; когда разсмотришь каждую травку, какъ она растетъ, какъ она умно устроена, на самое

маленькое животное, какъ оно живетъ, на каждую пылинку которая и та даже такъ хорошо сдѣлана! Если бы и хотѣлъ, то нельзя не вѣрить. Чтò за жизнь безъ вѣры? Вѣрить такъ сладко. Благодарю Тебя, Господи, за эту природу, за эти минуты, за все, за все, что Ты сдѣлалъ для меня!“

К. поѣхалъ съ нами въ Финляндію, и тамъ моя блаженная идиллія почти сравнялась съ моими мечтами и развивалась подъ голубымъ или звѣзднымъ небомъ, надъ тихой гладью залива, среди полей и цвѣтовъ но, должно быть, она развивалась слишкомъ пышно для вкуса моей мамаши, которая и положила ей внезапный конецъ. Объ этомъ дѣлѣ рукъ ея я узнала нѣсколько лѣтъ спустя отъ тети. Мать моя объяснила К., что никогда не отдастъ меня за него и, ради моего покоя и счастья, потребовала отъ него странной жертвы: она сказала ему, что просто уѣхать не поможетъ, „подольетъ только масла въ огонь“; что „если онъ съумѣлъ сдѣлать, что я полюбила его, то долженъ съумѣть уничтожить во мнѣ это чувство“. И онъ принялъ на себя эту жертву и пытку!.. Пьесы вродѣ „Сюлливано“, „La dame aux camélias“, кажутся намъ очень мелодраматичны и неестественны, а вотъ же, бываютъ и въ жизни такія вещи. К объявилъ намъ, что долженъ на время уѣхать въ Ревель. Эта временная разлука не могла смутить покоя и счастья, которые наполняли мою душу, и я, почти весело, пошла провожать Костеньку на нашу пристань, откуда онъ отправлялся на лодкѣ до парохода. Простившись съ нами и спустившись со ступеньки или двухъ, онъ обернулся, лицо его было на уровнѣ съ моимъ, и онъ вдругъ поцѣловалъ меня... Онъ, бѣдный, зналъ, что прощается со мной навсегда...

Трудно описать, чтò произошло со мной отъ этого поцѣлуя. Я бросилась стремглавъ домой, спрятала въ подушки свое пылающее лицо и два дня пролежала въ жару. Но все это время у меня была одна мысль: не подымать головы, чтобы не увидѣли на щекѣ моей то мѣсто, которое продолжало жечь меня. Мнѣ было страшно, что слѣдъ этого поцѣлуя останется на вѣки виденъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ощущеніе его на щекѣ доставляло мнѣ никогда не испытанное еще наслажденіе. Мнѣ было ужасно стыдно при мысли, что знакъ этотъ увидятъ, и вмѣстѣ жалко, будто этимъ что-то мое отнимутъ у меня. Очень трудно передавать словами эти ощущенія; слова слишкомъ грубы. Я была удивлена, когда не увидѣла въ зеркалѣ предательскаго знака, между тѣмъ какъ ощущеніе его на щекѣ не проходило. Черезъ нѣсколько дней только я совсѣмъ опомнилась, и, не умѣя дать себѣ отчета,

что̀ это такое со мной было, рѣшила предать это дѣло забвенію, благо, какъ мнѣ казалось, никто ничего не замѣтилъ и мою болѣзнь приписали простудѣ.

Долго не возвращался Костенька. Вскорѣ послѣ его отъѣзда, мама̀ очень смутила меня однимъ своимъ разговоромъ со мной; она сказала мнѣ: „Ты *влюблена* въ К., и это въ твои годы большой грѣхъ". Выраженіе, съ которымъ она произнесла въ особенности слово „влюблена", произвело на меня впечатлѣніе какого-то безпричиннаго ужаса. „Какъ влюблена!—проговорила я дрожащимъ голосомъ:—что̀ же это такое значитъ?"—„Значитъ, что ты любишь его больше всѣхъ, больше Бога, и ты этимъ оскорбляешь Бога". Видя сильное впечатлѣніе, произведенное на меня, мать болѣе къ этому предмету не возвращалась; я же провела нѣсколько дней въ большой тревогѣ. Я пряталась въ глухихъ уголкахъ сада, становилась на колѣни, склоняла голову на землю и передъ лицомъ Бога старалась разобраться въ своихъ мысляхъ и чувствахъ.

„Влюблена"; это слово даже своимъ звукомъ почему-то шокировало и оскорбляло меня; зачѣмъ это слово? Почему гадкое, какое-то особенное „влюблена", а не простое „люблю"? Я чувствую, что я люблю Костеньку такъ же, какъ всѣхъ другихъ, только очень сильно. Но если я люблю человѣка больше Бога, то это ужасно!.. Если я люблю К. больше Бога, то я и тетю люблю больше Бога... Люблю ли я ихъ больше Бога? Какъ узнать это, какъ сравнить? какъ разобраться? Надо бы узнать, люблю ли я Бога меньше съ тѣхъ поръ, какъ сильно полюбила К.? О! нѣтъ! „Ты знаешь, Господи, люблю ли я Тебя, понимала ли такъ, какъ теперь. Да и онъ та̀къ вѣритъ, та̀къ любитъ Тебя! Съ нашею любовью рядомъ растетъ и любовь къ Тебѣ!"—Чѣмъ болѣе я думала и молилась въ глухихъ уголкахъ сада, тѣмъ болѣе миръ нисходилъ на мою, душу, и, наконецъ, я ясно *почувствовала*, что Богъ не оскорбленъ мною и не гнѣвается на меня. Побесѣдовавъ такъ просто съ моимъ Богомъ и получивъ отъ Него отвѣтъ, я успокоилась. Попрежнему молитва моя была хвалебнымъ и благодарственнымъ гимномъ, попрежнему я ждала, не могла дождаться Костеньки. Наконецъ, я могла написать въ своемъ дневникѣ: „...Дверь отворилась и вошелъ К. Сердце мое замерло отъ радости; я покраснѣла не только по-уши, но, кажется, вся превратилась въ огонь; я еще никогда такъ не радовалась"... Не долго я была счастлива,—на другой же день начались мои испытанія. Я замѣтила, что К. сталъ какъ будто старше, что лицо его приняло несвойственное ему какое-то саркастическое

выраженіе, манеры стали рѣзкія, расположеніе духа неровное. Скоро у насъ пошли распри: всѣмъ моимъ желаньямъ онъ сталъ противорѣчить, всѣ мои взгляды осмѣивать; началъ дразнить меня, былъ иногда просто грубъ и, что̀ особенно коробило меня, съ какимъ-то цинизмомъ отрицалъ всѣ наши прежніе общіе съ нимъ идеалы. Сначала я не вѣрила своимъ глазамъ, мое негодованіе перемежалось съ возвращавшимся нѣжнымъ чувствомъ, и я винила себя въ нашихъ ссорахъ; но время шло, и я все болѣе убѣждалась, что передо мной былъ не прежній К., а совсѣмъ новый и чуждый мнѣ человѣкъ. Дневникъ свой я запустила и только изрѣдка выливала въ немъ свою горечь.

„Цѣлый день онъ дразнитъ, бѣситъ меня. Все дѣлаетъ напротивъ, каждое слово перетолковываетъ... Все, что̀ я когда-то, въ простотѣ души, говорила ему про самыя святыя мои чувства, онъ превращаетъ Богъ знаетъ во что̀ и такъ грубо смѣется надъ этимъ... Господи, и я могла такъ любить его! Но я его не знала!“...

„Была чудная лунная ночь, такъ свѣтло, что можно читать... Мнѣ было очень грустно... Какъ я любила К., какъ мнѣ было съ нимъ хорошо! и какъ онъ сдѣлался недостоинъ этого! Думая объ этомъ, я расплакалась“.—„Онъ сталъ Богъ-знаетъ что̀ говорить про женщинъ: что онѣ могутъ любить только тряпки, что онѣ не умѣютъ чувствовать, что онѣ ничего хорошаго не могутъ понять, что у нихъ нѣтъ ума. Перевернулъ стихи Шиллера и прочелъ:

„Die Weiber, sie weben und flicken die Hosen“...

Фу, какая гадость! Вдругъ сегодня говоритъ: „Есть ли въ мірѣ что-нибудь глупѣе звѣздъ?“... Онъ, который всегда такъ любовался ими со мной! Мнѣ стало такъ досадно и больно, что я ушла“.

Я была тогда еще слишкомъ ребенокъ, чтобы понять всю неестественность такой быстрой перемѣны и задаться вопросомъ объ ея причинѣ; я просто чувствовала себя обманутой, и страшная горечь разочарованія легла мнѣ на душу. Дошло до того, что я была рада, когда К. уѣхалъ; я могла теперь уходить одна на тѣ мѣста, гдѣ мы, бывало, въ счастливую пору нашей любви, сиживали вмѣстѣ, и свободно и долго рыдать о потерѣ моего друга.

Ек. Юнге.